МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Н. А. Саблуков

Записки генерала Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и кончине этого государя

Н. А. Саблуков

Записки генерала Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и кончине этого государя

Москва
Берлин
2020

УДК 94(47).071
ББК 63.3(2)513
С12

Саблуков, Н. А.

С12 Записки генерала Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и кончине этого государя / Н. А. Саблуков. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. — 104 с.

ISBN 978-5-4499-1148-3

Записки генерал-майора русской императорской армии Николая Александровича Саблукова (1776–1848 гг.) впервые вышли в свет на английском языке в общественно-литературном журнале «Fraser's Magazine» (Лондон) в 1865 г. В данном издании представлен полный русский текст, который был напечатан в 1902 г. в Лейпциге.

Автор «Записок» был одним из тех немногих лиц, близко стоявших ко Двору, которым удалось удержаться на службе в течение всего четырехлетнего царствования Павла I. Это позволило ему дать правдивую, искренне-беспристрастную оценку личности Павла I и представить ценный исторический материал для историков и бытоописателей Павловской эпохи.

УДК 94(47).071
ББК 63.3(2)513

ISBN 978-5-4499-1148-3

Предисловие

Записки Саблукова впервые вышли в свет на английском языке и напечатаны в 1865 г., в журнале «Fraser's Magazine» под заглавием Reminiscences of the Court and times of the Emperor Paul I of Russia, up to the period of his death. From the papers of a deceased Russian General Officer[1]. На русском языке записки эти появились в извлечении в Московском журнале «Русский Архив» в конце 1860-х годов, причем, в виду цензурных условий, перевод был далеко не полный, так что добрая половина «Записок», до сих пор, на русском языке, в печати не появлялась[2]. Что касается английского подлинника, то последний, в настоящее время, по прошествии 35 лет, представляет совершенную библиографическую редкость, так как журнал этот, издавался в ограниченном количестве экземпляров и все номера 1865 года давно вышли из продажи и не имеются даже и у антиквариев.

Настоящим изданием пополняется этот весьма существенный пробел в исторической литературе и русский читатель впервые имеет возможность ознакомиться с полным изданием «Записок Саблукова» представляющих, по беспристрастности изложения и искренности тона, драгоценнейший материал для будущих историков и бытописателей Павловской эпохи, еще столь мало исследованной и едва ли беспристрастно оцененной.

Автор «записок», Николай Александрович Саблуков, происходивший из древнего дворянского рода, родился в Петербурге в 1776 году и, по обычаю того времени, будучи еще

---

[1] «Воспоминания о Дворе и временах Императора Российского Павла I до эпохи его смерти. Из бумаг умершего русского Генерала».

[2] Краткое извлечение из труда Саблукова, в 1860-х годах было сделано из Французского журнала «Revue-Moderne».

ребенком, был записан в Гвардию. Отец его — Александр Александрович Саблуков, Сенатор и в последствие один из первых Членов только что учрежденного Александром I Государственного Совета, был Вице-Президентом Мануфактур-Коллегии в последние годы царствования Екатерины и в эпоху Павла I. Сыну своему он дал весьма тщательное, домашнее образование, причем, благодаря заботам матери автора, Екатерины Андреевной Саблуковой, рожденной Волковой, женщины высоко образованной и гуманной, особенное внимание было обращено на изучение иностранных языков: Немецкого, Французского и Английского. Вскоре молодой Саблуков, по обычаю богатых дворян того времени, был отправлен путешествовать за границу, посетил Германию, Италию и, благодаря близким родственным связям с русскою знатью, был представлен ко многим иностранным Дворам. Вернувшись в Россию в 1792 году, 17ти летний юноша Саблуков поступил в блестящий и аристократический, в Екатерининское время, Конно-гвардейский полк, в котором и оставался до самой кончины Павла I, будучи в последнее время в чине Полковника и командуя эскадроном.

Не будучи «Гатчинцем», как Аракчеев и Ростопчин, не состоя в числе любимцев, как Кутайсов и Уваров, Саблуков, не смотря на это, пользовался благосклонностью и уважением Павла, чувствовавшего в нем неподкупную верность порядочного человека. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что автор «Записок» был одним из тех немногих лиц, близко стоявших ко Двору, которым удалось удержаться на службе в течение всего четырнадцатилетнего царствования Павла. Саблуков — был джентльмен в полном смысле этого слова; это был рыцарь без страха и упрека, спокойно смотревший в глаза такому Государю, как Павел I, сумевший сдерживать порывы такой взбалмошной натуры как Константин, вызывавший невольное удивление робкого и запу-

ганного отцовскими строгостями Александра. Вот почему Записки Саблукова, в которых каждая фраза, каждая строчка дышат правдой и благородством, должны иметь особое значение в глазах историка: в этих качествах автора он увидит несомненное доказательство как правдивости передаваемых им фактов, так и вполне беспристрастной оценки личности Императора Павла.

Отдавая полную справедливость высоким, душевным качествам, лежавшим в основе характера этого государя, любя его искренно как человека, Саблуков сообщает, однако, целый ряд фактов, указывающих на несомненную ненормальность Павла, резкие выходки которого, доходившие зачастую до непонятной жестокости[3], могут быть объяснены исключительно душевным расстройством.

Таков, в общих чертах, основной характер «Записок Саблукова»: строгая правдивость и искренность. В одном только случае автор впадает в довольно странное противоречие, а именно, когда он упоминает о роли, которую играла Английский политик в кровавом событии 11 Марта 1801 года[4]. Стараясь доказать полную неосновательность слухов об участии Английского Посланника, Лорда Уитворта, в заговоре против Павла, он в тоже время категорически говорит о любовной связи этого дипломата в О. А. Жеребцовой, сестрой Зубовых — главных руководителей заговора. Наконец в одном месте «Записок» мы читаем следующую недвусмысленную фразу, не требующую дальнейших комментариев: «Г-жа Жеребцова предсказала печальное событие 11 Марта в Берлине, за несколько дней до смерти Императора и, как только узнала о совершившемся факте, отправилась тотчас в Англию навестить своего старого друга Лорда Уитворта».

---

[3] Напр. высылка из Петербурга ни в чем неповинного отца автора. А. А. Саблукова.

[4] Дата приводится по старому стилю.

Единственным объяснением этого противоречия, которое совсем не вяжется с категорическим и ясным тоном всего повествования, может служить то обстоятельство, что рукопись Саблукова прошла через чернило английского журнала, редакция которого естественно была заинтересована в обелении действий «Коварного Альбиона».

После кончины Императора Павла Саблуков вышел в отставку, предпринял новое путешествие по Европе и, в 1803 году, находясь в Англии, женился на Англичанке, Мисс Юлии Ангерштин. Вернувшись снова в Россию и прослужив недолгое время в Морском Министерстве, Н. А. снова поступает в войско и в 1812 г. принимает участие в Отечественной войне, во время которой он произведен в генералы. По окончанию Наполеоновских войн он окончательно вышел в отставку, проживая частью в Англии, частью в Петербурге и умер в 1848 году от холеры.

S. Nagiba

Глава I

Вступление. — Двор Великого Князя. — Е. Н. Нелидова. — Путешествие Графа и Графини Северных. — Гатчина. — Кончина Екатерины. — Первые дни нового царствования. — Мероприятия Импера-тора. — Суд над Князем Сибирским. — Новые люди. Кутайсов. — Обольянинов. — Кологривов. — Котлубицкий. — Великие Князья. — Аракчеев. — Ростопчин. — Женский персонал

На днях мне пришлось перечитывать «Историю России» Левека, в которой говорится о разногласии во мнениях, существующих до настоящего времени относительно Лжедмитрия, причем меня особенно поразила скудость сведений об этой замечательной эпохе в смысле показаний современников и очевидцев. А между тем сам Левек утверждает, что такие показания имеют чрезвычайную важность для истории, так как одни только очевидцы могут засвидетельствовать правдивость тех или других исторических фактов.

Я сам был очевидцем главнейших событий, происходивших в царствование Императора Павла I. Во все это время я состоял при дворе этого Государя и имел полную возможность узнать все, что там происходит, не говоря уже о том, что я лично был знаком с самим Императором и со всеми членами Императорского Дома, равно как и со всеми влиятельными личностями того времени. Все это вместе взятое и побудило меня записать все то, что я помню о событиях этой знаменательной эпохи в надежде, что, таким образом, быть может, прольется новой свет на характер Павла I, человека, во всяком случае, не заурядного.

Смею думать, что читатель не поставит мне в вину, если в течение этого повествования мне не раз придется говорить о себе лично, про многих из моих друзей и про полк, в котором я служил. Подробности эти я привожу лишь как доказательство правдивости моего повествования, которое только и может придать настоящий интерес этому рассказу.

В эпоху вступления на престол Император Павла I мне было двадцать лет, и я был в чине Подпоручика Конной Гвардии, прослужив перед тем в том же полку два года унтер-офицером и четыре года в офицерском чине[5]. Перед тем я много путешествовал за границей и был представлен ко многим дворам, как в Германии, так и в Италии, вследствие чего много вращался в высшем обществе, как в России, так и в чужих краях. Отец мой держал открытый дом, в котором собирались запросто многие Министры и дипломаты, вследствие чего, не смотря на мою молодость, я уже достаточно был подготовлен к пониманию текущих политических событий. К этому надо прибавить, что, будучи вообще хорошо знаком с несколькими иностранными языками, я живо интересовался политическими вопросами и с особенным вниманием читал газеты.

Теперь я сделаю небольшое отступление и буду говорить о времени непосредственно предшествовавшем вступление на престол Павла, так как сведения о том, что тогда происходило, послужат к объяснению многих последующих событий, которые иначе было бы трудно понять.

В качестве Великого Князя Павел Петрович имел великолепные апартаменты в Зимнем Дворце, а также во дворце Царскосельском. Здесь происходили их выходы и приемы и тут же они давали пышные обеды, вечера и балы, оказывая постоянно чрезвычайную любезность своим гостям. Все высшие чины их двора, равно как прислуга, принадлежали к штату Императрицы поочередно, в течение недели, дежурили в обоих дворцах, причем все издержки уплачивались из

[5] Будучи унтер-офицером, я был ординарцем у Фельдмаршала Графа Салтыкова, дежурил у него через неделю и обязан был в это время всюду сопровождать его. Таким образом, мне часто приходилось бывать с его свитой в прихожей кабинета Императрицы Екатерины II. *Прим. автора*.

Кабинета Ее Величества. В этих приемах своего сына Императрица Екатерина обыкновенно весьма милостиво сама принимала участие и после первого выхода радушно присоединялась к обществу, не допуская обычного этикета, установленного при Ее собственном дворе.

С внешней стороны Великий Князь постоянно оказывал своей матери величайшее уважение, хотя все хорошо знали, что он не разделял тех чувств любви, благодарности и удивления, которые Русский народ питал к этой Монархине. Великая Княгиня, его супруга, однако же, любила Екатерину, как нежная дочь и привязанность эта была вполне взаимная. Дети Павла, юные Великие Князья и Великие Княжны, воспитывались под надзором их бабки-Императрицы, которая во всех случаях советовалась с их матерью[6].

Кроме названных апартаментов, у Великого Князя был еще очень удобный дворец — Каменно-островский — расположенный на одном из островов на Неве. Здесь Великий Князь и его супруга также давали избранному обществу весьма веселые празднества, на которых происходили так называемые jeux d'esprit[7], театральные представления, словом все то, что придумали остроумие и любезность старого французского двора. Сама Великая Княгиня была чрезвычайно красивая женщина, весьма скромная в обращении, по мнению некоторых даже излишне степенная, даже до того, что казалась суровою и скучною, — насколько могли ее сделать таковой добродетель и этикет. Павел, напротив, был полон жизни, остроумия и юмора и всегда особенно отличал своим вниманием тех, которые блистали теми же качествами.

---

[6] Генералы Протасов и Сакен были воспитателями Великих Князей, а Баронесса Ливен гувернанткою Великих Княжон и доверенным другом их матери. *Прим. автора.*

[7] Игры разума.

Самою яркою звездою на придворном горизонте была молодая девушка, которую пожаловали фрейлиною в уважение превосходных дарований, выказанных ею во время ее воспитания в Смольном Монастыре: ее звали Екатерина Нелидова. По наружности она представляла полную противоположность с Великою Княгиней, которая была белокура, высокого роста, склонна к полноте и очень близорука Нелидова же была маленькая, смуглая, с тёмными волосами, блестящими черными глазами, с лицом, исполненным выразительности. Она танцевала с необыкновенным изяществом и живостью, разговор ее, при совершенной скромности, отличался изумительным остроумием и блеском.

Павел недолго оставался равнодушным к стольким прелестям. Впрочем, надо заметить, что Великий Князь отнюдь не был человеком безнравственным, напротив того, он был добродетелен как по убеждению, так и по намерениям. Он ненавидел распутство, был искренне привязан к своей прелестной супруге и не мог себе представить, чтобы какая-нибудь интриганка могла когда-либо увлечь его до того, чтобы влюбить в себя без памяти. Поэтому он свободно предался тому, что он считал чисто платоническою связью, и это было началом его странностей.

Императрица Екатерина, знавшая человеческое сердце несравненно лучше, чем ее сын, была глубоко огорчена за свою невестку. Она вскоре послала сына путешествовать вместе с супругою и отдала самые строгие приказания, дабы не щадить денег, чтобы сделать эту прогулку по Европе столь же блистательной, сколь интересной, как этого только можно достигнуть при помощи влияния на Дворы, которые им придется посетить. Путешествовали они incognito, под именем Графа и Графини Северных и хорошо известно, что остроумие Графа, красота Графини и обходительность обоих оставили самое благоприятное впечатление в странах, которые они посетили.

Не следует думать, что раннее воспитание Великого Князя Павла было небрежно; напротив того Екатерина употребила все, что в человеческих силах, чтобы дать сыну воспитание, которое сделало бы его способным и достойным царствовать над обширною Российской Империей. Граф Н. И. Панин, один из знаменитейших государственных людей своего времени, пользовавшийся уважением, как в России, так и за границей за свою честность, высокую нравственность, искреннее благочестие и отличное образование, был воспитателем Павла. Кроме того, Великий Князь имел лучших наставников того времени, в числе которых были и иностранцы, пользовавшиеся почетною известностью в литературном мире. Особенное внимание было обращено на религиозное воспитание Великого Князя, который до самой своей смерти отличался набожностью. Еще до настоящего времени показывают места, на которых Павел имел обыкновение стоять на коленах, погруженный в молитву и часто обливаясь слезами. Паркет положительно протерт в этих местах[8]. Граф Панин состоял членом нескольких Масонских Лож и Великий Князь был также введен в некоторые из них. Словом было сделано все, что только возможно для физического, нравственного и умственного развития Великого Князя. Павел был одним из лучших наездников своего времени и с раннего возраста отличался на каруселях. Он знал в совершенстве языки: славянский, русский, французский и немецкий, имел некоторые сведения о латинском, был хорошо знаком с историей, географией и математикой, говорил и писал весьма свободно и правильно на упомянутых языках. В деле воспитания Великого Князя два помощника главным образом содействовали

[8] Офицерская караульная комната, в которой мне приходилось сидеть во время моих дежурств в Гатчине, находилась рядом с частным кабинетом Павла и я часто слышал вздохи Императора во время его молитвы.

Графу Панину: Флота Капитан Сергей Плещеев и уроженец города Страсбурга Барон Николай. Плещеев прежде служил в английском флоте, был отличным офицером, человеком широко образованным и особенным знатоком русской литературы. Барон Николай был вообще человек ученый, живший сначала в Страсбурге и написавший несколько научных трудов. Оба эти лица сопровождали Великого Князя во время его путешествия за границу, и впоследствии Плещеев издал книгу под заглавием «Les voyages du Comte et de la Comtesse du Nord»[9]. Оба остались близкими и влиятельными людьми при Императоре Павле до самой его кончины.

В Вене, Неаполе и Париже Павел проникся теми высокоаристократическими идеями и вкусами, которые, не будучи согласны с духом времени, довели его впоследствии до больших крайностей в его стремлении поддержать нравы и обычаи старого режима, в такое время, когда Французская революция сметала все подобное с Европейского Континента. Но как ни пагубны были эти влияния для чуткой и восприимчивой души Павла, вред, причиненный ими, ничто в сравнении с влиянием, которое произвели на него в Берлине прусская дисциплина, выправка, мундиры, шляпы, кивера и т. п. — словом все, что имело какое-либо отношение к Фридриху Великому. Павел подражал Фридриху в одежде, в походке, в посадке на лошади. Потсдам, Сансуси, Берлин преследовали его подобно кошмару. К счастью Павла и для России, он не заразился бездушною философией этого монарха и его упорным безбожием. Но этого Павел не мог переварить и, хотя враг насеял много плевел, доброе семя все-таки удержалось.

Но чтобы вернуться к эпохе, которая непосредственно предшествовала восшествию Павла на престол, я должен

---

[9] «Путешествие графа и графини дю Нор».

упомянуть о том, что кроме дворца на Каменном Острову он имел еще великолепный дворец и имение в Гатчине, в 24 верстах от Царского Села. К Гатчине были приписаны обширные земли и несколько деревень. Супруга Великого Князя имела такое же имение в Павловске с обширными парками и богатыми деревнями. Этот дворец находился всего в трех верстах от Царского Села. В этих двух имениях Великий Князь и его супруга обыкновенно проводили большую часть года одни, имея лишь дежурного Камергера и Гофмаршала. Здесь Великий Князь и Великая Княгиня обыкновенно не принимали никого, исключая лиц особо приглашенных. Скоро, однако же, и здесь стала появляться Екатерина Ивановна Нелидова и вскоре сделалась приятельницей Великой Княгини, оставаясь в тоже время платоническим кумиром Павла. Как в Гатчине, так и в Павловске строго соблюдались костюм, этикет и обычаи Французского Двора.

Отец мой в то время был во главе Государственного Казначейства и в его обязанности, между прочим, входило выдавать их Высочествам их четвертное жалованье и лично принимать от них расписку в счетную книгу Казначейства. Во время поездок, которые он совершал для этой цели в Гатчину и в Павловск, я иногда сопровождал его, и живо помню то странное впечатление, которое производило на меня все то, что я здесь видел и слышал. Все было как бы в другом государстве, особенно в Гатчине, где был выстроен форштадт, напоминавший мелкие Германские города. Эта слобода имела заставы, казармы, конюшни и все строения были точь-в-точь как в Пруссии. Что касается войск здесь расположенных, то можно было побиться об заклад, что они только что пришли из Берлина.

Здесь я должен объяснить, каким образом Великий Князь задумал сформировать в Гатчине эту курьезную маленькую армию. Когда Павел был еще очень молод, Императрица,

пожелавшая дать ему громкий титул, не сопряженный, однако с каким либо трудом или ответственностью, пожаловала его Генерал-адмиралом Российского Флота; впоследствии он был назначен шефом превосходного Кирасирского полка, с которым он прослужил одну кампанию против Шведов, причем имел честь видеть, как над головой его пролетали пушечные ядра во время одной стычки с неприятелем. Поселившись в Гатчине Великий Князь, в качестве Генерал-адмирала потребовал себе батальон морских солдат с. несколькими орудиями, а как Шеф Кирасиров — эскадрон этого полка с тем, чтобы образовать гарнизон города Гатчины.

Оба желания Великого Князя были исполнены и таким образом положено начало пресловутой «Гатчинской армии», впоследствии причинившей столько неудовольствий и вреда всей стране. В Гатчине, кроме того, на небольшом озере, находилось несколько лодок, оснащенных и вооруженных наподобие военных кораблей, с офицерами и матросами — и это учреждение впоследствии приобрело большое значение.

Батальон и эскадрон были разделены на мелкие отряды, из которых каждый изображал полк Императорской гвардии. Все они были одеты в темно-зеленые мундиры и во всех отношениях напоминали собою прусских солдат.

Вся русская пехота в это время носила светло-зеленые мундиры, кавалерия — синие, а артиллерия — красные. Покрой этих мундиров не походил на мундиры других европейских армий, но был прекрасно приспособлен к климату и обычаям России. Русские войска всех родов оружия покрыли себя славою в войнах против Турок, Шведов и Поляков и справедливо гордились своими подвигами. Подобно всяким другим войскам они гордились и мундирами, в которых они пожинали эти лавры, и это заставляло их смотреть с отвращением на Гатчинское обмундирование.

Гатчинские моряки также носили темно-зеленое сукно, между тем как мундир всего русского Флота был белый, уста-

новленный еще самим Петром Великим и это изменение также возбуждало неудовольствие. Во всех Гатчинских войсках офицерские должности были заняты людьми низкого происхождения, так как ни один порядочный человек не хотел служить в этих полках, где господствовала грубая прусская дисциплина. Я уже упомянул выше, что двор Великого Князя состоял отчасти из лиц, служивших при дворе Императрицы, так что все происходившее в Гатчине тотчас делалось известным при большом дворе и в публике, и будущая судьба России подвергалась свободному обсуждению и не совсем умеренной критике.

Но с другой стороны Великий Князь был восходящим светилом и конечно нашлось не мало услужливых людей, которые передавали ему о невыгодном впечатлении, которое некоторые его распоряжения производили при дворе Императрицы — распоряжения, которые однако, он считал крайне важными. Ему доносили также и о многих злоупотреблениях, действительно существовавших в разных отраслях управления. С другой стороны мягкость и материнский характер управления Екатерины ему изображали в самом невыгодном свете. Вспыльчивый по природе и горячий Павел был крайне раздражен отстранением от престола, который, согласно обычаю посещенных им иностранных дворов, он считал принадлежащим ему по праву. Вскоре сделалось общеизвестным, что Великий Князь с каждым днем все нетерпеливее и резче порицает правительственную систему своей матери.

Екатерина между тем становилась стара и немощна, и недавно у нее был легкий припадок паралича, после которого она не поправилась вполне. Она искренно любила Россию и пользовалась искреннею любовью народа. Екатерина не могла думать без страха о том, что великое государство, столь быстро выдвинутое ей на путь благоденствия и славы, останется без всяких гарантий прочного существования, особенно

в такое время, когда Франция распространяла революционную заразу и «Комитет Общественной Безопасности» заставлял дрожать на престолах почти всех монархов Европы и потрясал старинные учреждения в самых их основаниях.

Екатерина уже сделала многое для конституционного развития своей страны и, если бы ей удалось убедить Павла сделаться государем конституционным, то она умерла бы спокойно, не опасаясь за будущее России. Мнения, вкусы и привычки делали такие надежды совершенно тщетными и достоверно известно, что в последние годы царствования Екатерины между ее ближайшими советниками было решено, что Павел будет устранен от престолонаследия, если он откажется присягнуть конституции уже начертанной, в таком случае был бы назначен наследником его сын, Александр, с условием, чтобы он соблюдал новую конституцию.

Слово «конституции» столь часто здесь упоминаемое, не должно быть понимаемо в обычном, слишком тесном, смысле парламентского представительства, еще менее в смысле демократической формы правления. Оно обозначает не более как великую хартию, благодаря которой верховная власть Императора перестала бы быть самодержавной.

Слухи о подобном намерении ходили беспрестанно, хотя еще не было известно ничего достоверного. Втихомолку, однако, говорили, что 1 Января 1797 года должен быть обнародован весьма важный манифест и в то же время было замечено, что Великий Князь Павел стал реже появляться при дворе и то лишь в торжественные приемы, и что он все более оказывает пристрастие к своим опрусаченным войскам и ко всем своим Гатчинским учреждениям. Мы, офицеры, часто смеялись между собою над Гатчинцами. В 1795—1796 годах я был за границею и, проведя несколько недель в Берлине, я порядочно ознакомился с прусскою выправкою. По возвращении моем домой, мои товарищи часто заставляли меня подражать, или вернее, передразнивать прусских

офицеров и солдат. В то время мы и не помышляли, что скоро мы все будем обречены на прусскую обмундировку, выправку и дисциплину. Впоследствии оказалось, что знание этих подробностей сослужило мне большую услугу.

Ознакомив вкратце читателя с положением дел в Петербурге и Гатчине, я буду продолжать свое повествование. По возвращении моем из заграничного путешествия в 1796 году, я часто посещал дом некой Г-жи Загряжской, светской дамы, чрезвычайно умной и любезной. Племянница ее, Васильникова была только что сговорена с Графом Кочубеем и потому вечера ее стали интимнее и менее людны. Я был одним из немногих, которых, однако, продолжали приглашать в дом, куда мы собирались играть в лото, дофин и др. игры.

В Четверг 6 Ноября 1796 года я прибыл по обыкновению к Загряжским. К семи часам вечера на столе было приготовлено лото, и я предложил себя, чтобы первому вынимать номера. Г-жа Загряжская отвечала более холодным тоном, чем обыкновенно: «хорошо» и я начал игру. Играющие, однако, думали по-видимому о чем-то другом, так что я даже слегка пожурил их за то, что они не отмечают номеров.

Между тем Г-жа Загряжская вдруг отозвала меня в сторону и сказала:

— Vous êtes un singulier homme, Sabloukoff.

— En quoi done, Madame? — возразил я.

— Vous ne savez done rien?

— Mais qu'y a-t-il à savoir?

— Comment done, l'Impératrice a eu un coup d'apoplexie et on la croit morte…[10]

---

[10] — Вы необычный человек, Саблуков.

— В чем же, мадам?

— Стало быть, вы ни о чем не знаете?

— А что надо знать?

— Как же, с Императрицей случилось апоплексический удар, и считают, что она умерла… (*Пер. с франц.*)

Я чуть не свалился с ног и так побледнел, что Г-жа Загряжская очень встревожилась за меня. Как только я пришел в себя, я побежал с лестницы, бросился в мой экипаж и отправился в дом моего отца. Оказалось, что он уже уехал в Сенат, куда его вызвали. Катастрофа действительно совершилась, сомнений быть не могло. Екатерина скончалась.

Александр Муханов, Капитан Конной Гвардии, который наследующее утро должен был жениться на моей сестре Наталье, также уехал из дому и отправился в казармы нашего полка, куда поспешил и я.

По дороге мне попадались люди разного звания, которые шли пешком или ехали в санях и каретах и все куда-то спешили. Некоторые из них останавливали на улице своих знакомых и со слезами на глазах высказывали свое горе по поводу случившегося. Можно было думать, что у каждого Русского умерла нежно любимая мать.

Князь Платон Зубов, последний любимец Екатерины и ее Первый Министр, немедленно отправил в Гатчину своего брата Графа Николая Зубова, имевшего звание Шталмейстер, с тем чтобы сообщить Великому Князю Павлу о кончине его матери. Сенат и Синод были в сборе и все войска столицы под ружьем, в ожидании манифеста. Граф Безбородко, в качестве старшего из Статс-секретарей, находился в кабинете покойной Императрицы, прочие же Статс-секретари и высшие чины двора собрались во дворце в ожидании прибытия Великого Князя.

Вскоре вернулся Граф Зубов с известием о скором прибытии Павда. Площадь перед дворцом была наполнена народом, и около полуночи прибыл Великий Князь. В течение ночи был составлен манифест, в котором оповещалось, для всеобщего сведения, о кончине Императрицы Екатерины и о вступлении на престол Императора Павла Первого. Акт этот был также прочитан в Сенате, и была принесена обычная присяга.

Нельзя выразить словами ту скорбь, которую испытывал каждый офицер и солдат Конной Гвардии, когда в нашем полку прочтен был этот манифест. Весь полк буквально был в слезах, многие рыдали, словно потеряли близкого родственника или лучшего друга. Тоже самое происходило и в других полках и таким же образом выразилась и всеобщая печаль народа в приходских церквах.

Рано утром 7/19 Ноября, наш Командир Майор Васильчиков, отдал приказ, чтобы на следующее утро все офицеры явились на парад перед Зимним Дворцом; назначенный же туда караул от нашего полка был осмотрен нашим Майором самым тщательным образом. Между тем в течение ночи выпал глубокий снег, а к утру настала оттепель и пошел мелкий дождь и всем нам было крайне неприятно идти вслед за нашим конным отрядом от казарм до Дворца, около трех английских миль, в лучших наших мундирах, синих с золотом, в парадных шляпах с дорогим плюмажем, увязая в глубоком снегу, лежавшем по дороге.

Это не было хорошим предзнаменованием для нового царствования и нового порядка вещей. Едва мы дошли до дворцовой площади, как уже нам сообщено множество новых распоряжений. Начать с того, что отныне ни один офицер, ни под каким предлогом, не имел права являться куда бы то ни было иначе как в мундире; а надо заметить, что наша форма была очень нарядна, дорога и не удобна для постоянного ношения. Далее нам сообщили, что Офицерам вообще воспрещено ездить в закрытых экипажах, а дозволяется только ездить верхом, или в санях или в дрожках. Кроме того, был издан ряд полицейских распоряжений, предписывавших всем обывателям носить пудру, косичку или гарбейтель и запрещавших ношение круглых шляп, сапог с отворотами, длинных панталон, а также завязок на башмаках и чулках, вместо которых предписывалось носить пряжки. Волосы

должны были зачесываться назад, а отнюдь не на лоб; экипажам и пешеходам велено было останавливаться при встрече с Высочайшими Особами и те, кто сидели в экипажах, должны были выходить из них, дабы отдать поклон Августейшим лицам. Утром 8/20 Ноября 1796 года, значительно ранее 9 часов утра, усердная столичная полиция успела уже обнародовать все эти правила.

Мы также услышали о курьезных вещах, происшедших во Дворце с прибытием нового Императора. Говорили, что он вместе с Графом Безбородком, деятельно занимался жжением бумаг и документов в кабинете покойной Императрицы; что Павел имеет вид очень сумрачный и с нетерпением ожидает прибытия своих собственных войск из Гатчины. Естественно, что все эти слухи не могли нам быть приятны, особенно после счастливого времени, проведенного нами при Екатерине, царствование которой отличалось милостивой снисходительностью ко всему, что только не носило характера преступления.

Но вот пробило, наконец, десять часов и началась ужасная сутолока. Появились новые лица, новые сановники. Но как они были одеты! Невзирая на всю нашу печаль по Императрице, мы едва могли удержаться от смеха, настолько все нами виденное напоминало нам шутовской маскарад. Великие Князья Александр и Константин Павловичи появились в своих Гатчинских мундирах, напоминая собою старинные портреты прусских офицеров, выскочившие из своих рамок.

Ровно в 11 часов вышел сам Император в Преображенском мундире нового покроя. Он кланялся, отдувался и пыхтел, пока проходила мимо него гвардия, пожимая плечами и качая головою в знак неудовольствия. После этого он велел подать свою лошадь «Помпона». В тоже время ему доложили, что Гатчинская «Армия» приближается к заставе и Его Величество тотчас поскакал ей на встречу. Приблизительно

через час Император вернулся во главе этих войск. Сам он ехал перед тем Гатчинским отрядом, который ему угодно было называть «Преображенцами»; Великие Князья Александр и Константин также ехали во главе так называемых «Семеновского» и «Измайловского» полков. Император был в восторге от этих войск и выставлял их перед нами, как образцы совершенства, которым мы должны были подражать слепо. Их знаменам была отдана честь обычным образом, после чего их отнесли во Дворец, сами же Гатчинские войска, в качестве представителей соответствующих гвардейских полков, были включены в них и размещены по их казармам.

Так закончилось утро первого дня нового царствования Павла Первого.

Мы все вернулись домой, получив строгое приказание не оставлять своих казарм и вскоре новые пришлецы из Гатчинского гарнизона были представлены нам. Но что это была за Офицеры! Что за странные лица! Какие манеры! И как странно они говорили! Это были по большей части Малороссы. Легко представить себе впечатление, которое произвели эти грубые бурдоны на общество, состоявшее из ста тридцати двух офицеров, принадлежавших к лучшим семьям русского дворянства. Все новые порядки и новые мундиры подверглись строгой критике и почти всеобщему осуждению. Вскоре, однако, мы убедились, что о каждом слове, произнесенном нами, доносилось куда следует. Какая грустная перемена для полка, который издавна славился своею порядочностью, товариществом и единодушием!

Мы получили приказание обмундироваться как можно скорее согласно новым предписаниям. Новый «походный» мундир был коричневато цвета, а вицмундир кирпичного цвета и квакерского покроя. Мне удалось достать этого сукна и сшить себе вицмундир и на другое утро я явился в новой

форме, передразнивая Гатчинцев à s'y méprendre[11], вследствие чего майор немедленно назначил меня в этот день в караул. Будучи, как я уже упомянул, хорошо знаком с прусскою выправкою, я усвоил себе с большою легкостью первые уроки наших Гатчинских наставников, а в одиннадцать часов, во время парада, так отличился, что Император подъехал ко мне, чтобы меня похвалить и, проходя несколько раз, в течение дня, мимо моего караула, во дворце, он всегда останавливался, чтобы заговорить со мною.

Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенных мною в карауле во дворце. Что эта была за суета, что за беготня вверх и вниз, взад и вперед! Какие странные костюмы! Какие противоречивые слухи! Императорское Семейство то входило в комнату, в которой лежало тело покойной Императрицы, то выходило из нее. Одни плакали и рыдали о понесенной потере, другие самонадежно улыбались в ожидании получить хорошие места. Я должен, однако же, признаться, что число последних было не велико. Император, как говорят, еще был занят разбором и уничтожением бумаг с Графом Безбородком. Ходили также слухи, что за Графом Алексеем Орловым был послан нарочный, что вслед за обнародованием церемониала о погребении Императрицы, тело Петра III, находящееся в Невской Лавре, будет вынуто из могилы, перенесено во Дворец и поставлено рядом с телом Екатерины.

Для того, чтобы понять причины, побудившие Императора Павла сделать такое распоряжение, надо вспомнить, что Петр III, желая вступить в брак со своей любовницей Графиней Воронцовой, намеревался объявить Императрицу Екатерину виновною в прелюбодеянии и сына ее Павла не законным. С этою целью мать и сын должны были быть за-

---

[11] На редкость похоже. (*Пер. с франц.*)

ключены в Шлюссельбургскую крепость на всю жизнь. Об этом уже был изготовлен манифест и только накануне его обнародования и ареста матери и сына, начался переворот. Следствием этого события было, как известно, провозглашение Екатерины царствующей Императрицей и публичное отречение Петра III от престола, о чем и был подписан формальный документ. После этого Петр III удалился в Ропшу, где и умер спустя шесть дней, по мнению одних вследствие геморроидальных припадков, по мнению же других он был задушен в кровати. Тело его было торжественно выставлено для публики в течение шести дней, но так как он ранее отрекся от престола, а умер уже не царствующим Императором, то и был погребен в Невском Монастыре, а не в Петропавловском Соборе, который служит усыпальницей русских Императоров, начиная от Петра Великого.

Все эти события засвидетельствованы документами, хранящимися в архивах, и были хорошо известны многим лицам, в то время еще живым, которые были их очевидцами. Поэтому Император Павел считал полезным перенести прах отца из Невской Лавры в Петропавловский Собор, желая этим положить конец слухам, которые ходили на его счет, а так как Граф Алексей Орлов был одним из главных участников в перевороте, совершенном в пользу Екатерины, то ему повелено было прибыть в Петербург для участия в погребальном шествии.

Многие уверяли, будто бы причина вызова Орлова заключалась в том, что он был предполагаемым убийцей Петра III, но это несправедливо. Если уж были виновники этого злодеяния, то это должны были быть Пассек и Князь Федор Барятинский, под охраной которых Петр III был оставлен в Ропше. Во всяком случае, это не был Орлов, так как его не было в комнате во время смерти Императора. По тому способу, которым Павел обошелся с Алексеем Орловым и

говорил с ним несколько раз во время похоронной церемонии (чему я сам был очевидцем). Я убежден, что Император не считал его лично виновником убийства, хотя он, конечно, смотрел на него, как на одного из главных, оставшихся в живых, деятелей переворота, возведшего на престол Екатерину и спасшего ее и самого Павла от пожизненного заключения в Шлиссельбурге, где еще доныне можно видеть приготовленное для них помещение.

В эпоху кончины Екатерины и вступления на престол Павла Петербург был, несомненно, одной из красивейших столиц в Европе, исключая быть может Парижа и Лондона, которых я в то время не видал и потому не мог судить о них. Как по внешнему великолепию, так и по внутренней роскоши и изяществу вкуса, ничто не могло сравняться с Петербургом в 1796 году — таково было, по крайней мере, мнение всех знаменитых иностранцев, посещавших в те время Россию, и которые проводили там многие месяцы, очарованные веселостью, радушием, гостеприимством и общительностью, которые Екатерина с особенным усердием проявляла во всей Империи.

Внезапная перемена, произошедшая с внешней стороны в этой столице, в течение нескольких дней, просто невероятна. Так как полицейские мероприятия должны были исполняться с всевозможной поспешностью, то метаморфоза совершилась чрезвычайно быстро, и Петербург перестал быть похожим на современную столицу, приняв скучный вид маленького немецкого города за два или за три столетия тому назад. К несчастью перемена эта не ограничилась одною внешнею стороною города: не только экипажи, платья, шляпы, сапоги и прическа подчинены были регламенту, самый дух жителей был подвержен угнетению. Это проявление деспотизма, выразившееся в самых повседневных, банальных обстоятельствах, сделалось особенно тягостным в виду того, что оно

явилось продолжением эпох сравнительно широкой личной свободы.

Всеобщее неудовольствие стало высказываться отдельными лицами в разговорах, в семьях, среди друзей и знакомых и приняло характер злобы дня. Чем более, однако, оно высказывалось, тем энергичнее становилась деятельность тайной полиции. Офицеры нашего полка, который, как я уже упомянул, пользовался столь высокой репутацией порядочности и благородства, сделались предметом особого наблюдения, и малейшая ошибка во время парада наказывалась арестом. В царствование Екатерины арест, как мера наказания для офицера, применялась только в исключительных, серьезных случаях, так как она влекла за собою военный суд (court-martial) и офицер, который был арестован за наказание, обыкновенно должен был выходить из полка. Таков был point d'honneur[12] в Екатерининское время. Не то было теперь, когда Павел всюду ввел Гатчинскую дисциплину. Он смотрел на арест как на пустяк и применял его ко всем слоям общества, не исключая даже женщин. Малейшее нарушение полицейских распоряжений вызывало арест при одной из военных гауптвахт, вследствие чего, последние иногда бывали совершенно переполнены.

Наши офицеры, однако же, не были расположены сносить подобное обращение и, в течение нескольких недель шестьдесят или семьдесят человек оставили полк. Обстоятельство это естественно чрезвычайно ускорило производство, а так как, благодаря счастливой случайности, я попал под арест всего один раз, и то вместе с девятью другими Полковниками, после маневров 1799 года, то я не только остался в полку, но даже вскоре значительно повысился.

Упомянув о предосудительной и смешной стороне тогдашней правительственной системы, необходимо, однако

---

[12] Вопрос чести. (*Пер. с франц.*)

указать и на некоторые похвальные меры, принятые для благоденствия народа. Спустя несколько дней после вступления Павла на престол, во Дворце было устроено обширное окно, в которое всякий имел право опустить свое прошение на имя Императора. Оно помещалось в нижнем этаже дворца, под одним из коридоров, и Павел сам хранил у себя ключ от комнаты, в которой находилось это окно. Каждое утро, в седьмом часу, Император отправлялся туда, собирал прошения, собственноручно их помечал и затем прочитывал их или заставлял одного из своих Статс-секретарей прочитывать их себе вслух. Резолюции, или ответы на эти прошения всегда были написаны им лично, или скреплены его подписью и затем публиковались в газетах для объявления просителю. Все это делалось быстро и без замедления. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться в какое-нибудь судебное место или иное ведомство и затем известить Его Величество о результате этого обращения.

Этим путем обнаружились многие вопиющие несправедливости, и в таковых случаях Павел был непреклонен. Никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания, и остается только сожалеть, что Его Величество иногда действовал слишком стремительно и не предоставлял наказания самим законам, которые наказали бы виновного гораздо строже, чем это делал Император, а между тем он не подвергался бы зачастую тем нареканиям, которые влечет за собою личная расправа.

Не припомню теперь в точности, какое преступление совершил некто Князь Сибирский, человек высокопоставленный, Сенатор, пользовавшийся благосклонностью Императора. Если не ошибаюсь это было лихоимство. Проступок его, каков бы он ни был, обнаружился через прошение, поданное Государю вышеописанным способом, и Князь Сибирский был предан уголовному суду, приговорен к разжалованию и к пожизненной ссылке в Сибирь. Император немедленно же утвердил

этот приговор, который и был приведен в исполнение, причем Кн. Сибирский, как преступник, публично был вывезен из Петербурга, через Москву, к великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственников. Этот публичный акт справедливости очень встревожил чиновников, но произвел весьма благоприятное впечатление на народную массу.

Будучи весьма строг относительно всего, что касалось государственной экономии и, стремясь облегчить тягости, лежащие на народе, Император Павел был, не смотря на это, весьма щедр при раздаче пенсий и наград за заслуги, причем в этих случаях отличался истинно царскою милостью. Во время коронации, в Москве, он роздал многие тысячи государственных крестьян важнейшим сановникам государства и всем лицам, служившим ему в Гатчине, так что многие из них сделались богачами. Павел не считал этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительным для общего блага, ибо он полагал, что крестьяне гораздо счастливее под управлением частных владельцев, чем тех лиц, которые обыкновенно назначаются для заведывания государственными имуществами. Несомненно и то, что сами крестьяне считали милостью и преимуществом переход в частное владение. Моему отцу пожаловано прекрасное имение, с пятьюстами крестьянами, в Тамбовской губернии, и я очень хорошо помню удовольствие, выраженное по этому поводу депутацией от крестьян этого имения.

Прежде чем продолжать мой рассказ необходимо ознакомить читателя с главнейшими лицами, вывезенными Павлом из Гатчины, а также с некоторыми другими, которых он собрал вокруг себя в Петербурге и которые играли роль до самой его смерти.

Раньше всех следует упомянуть об Иване Павловиче Кутайсове, турчонке, взятом в плен в Кутайсе и которого Павел,

будучи Великим Князем, принял под свое покровительство, велел воспитать на свой счет и обучить бритью. Он впоследствии сделался Императорском брадобреем, и в качестве такового, ежедневно имел в руках Императорский подбородок и горло, что, разумеется, давало ему положение доверенного слуги. Это был чрезвычайно смышленый человек, обладавший особенною проницательностью в угадывании слабостей своего господина. Надо, однако, сознаться, что он, по возможности, всегда старался улаживать все к лучшему, предупреждая тех, которые являлись к Императору о настроении духа своего господина. С течением времени он сделался доверенным лицом любовницы Павла, составил себе большое состояние и был сделан Графом. Когда в 1798 году Павел получил титул Гроссмейстера Мальтийского Ордена, Кутайсов был возведен в звание Обер-Шталмейстера Ордена (?). Надо сказать что Граф всегда был готов всем помогать и никогда не делал никому зла. Графиня, его жена, была очень веселая и остроумная женщина и также обладала значительным состоянием. У них было два сына, из двоих один, в звании Сенатора и еще жив, а другой, отличный артиллерийский генерал, был убит под Бородином.

Сам Граф Кутайсов был тоже любитель похождений, и пока Павел как Гроссмейстер Мальтийского ордена имел свои любовные похождения, его обер-шталмейстер также не отставал от своего господина. Они обыкновенно отправлялись вдвоем на эти свидания, якобы сохраняя incognito. Лакеи и кучер были одеты в красные ливреи (цвет Ордена) и было строго приказано полицией не узнавать Государя.

Следующее за Кутайсовым место, по старшинству, среди Гатчинцев, занимал Адмирал Кушелев, человек в высшей степени полезный, поддерживавший расположение Императора к флоту.

Другой честный, услужливый, добрый и благочестивый человек был Генерал-Майор Обольянинов, сделанный Гене-

рал-адъютантом при восшествии на престол Павла. В течение своей жизни этот человек много сделал для того, чтобы смягчать последствия вспыльчивости и строгости Павла. В конце его царствования он был сделан Генерал-прокурором Сената и в этой должности много старался о том, чтобы восстановить беспристрастие в судах. Павел любил и уважал его до такой степени, что никогда не заподазривал людей близких с Обольяниновым, который и сам ни в ком не заподазривал никогда ничего дурного. Это всем известное обстоятельство, сделало впоследствии его дом сборным пунктом всех тех, которые приняли участие в заговоре против Павла. Странно сказать, что я, будучи в большой милости у Обольянинова, ни разу не был ни на одном из его вечеров, хотя мой отец бывал тут почти каждый вечер, чтобы играть с ним в вист. Этот прекрасный человек пользовался таким всеобщим уважением, что когда, после смерти Павла, он удалился в Москву, то был избран там Губернским Предводителем Дворянства и занимал эту почетную должность до конца своей жизни.

Я уже упомянул о бароне Николае, который до самой смерти Павла оставался его Статс-секретарем, Библиотекарем и Хранителем его кабинета. Мой дядя Плещеев также остался при Императоре, но умер от чахотки в Монпелье. Генерал Донауров также был незначительным Гатчинским моряком и, то же самое можно сказать и о Полковнике Кологривове, добродушном гусаре и порядочном фронтовике, главным образом замечательном потому, что у него была очень красивая жена, не слишком жестокая к своим многочисленным поклонникам. Она заставляла своего мужа держать для этих господ весьма оживленный и веселый дом.

Полковник Конной Артиллерии Котлубицкий был также Гатчинец и часто рисковал своим положением и милостью к себе Павла, спасал от наказаний молодых офицеров. Я знаю это из личного опыта.

Из числа новых действующих лиц, выступивших на сцену, следует также упомянуть о двух Великих Князьях: Александре и Константине. Александр был назначен шефом Семеновского, а Константин Измайловского полка. Александр кроме того был назначен Военным Губернатором Петербурга. Ему были подчинены Военный Комендант города, Комендант крепости и Петербургский Обер-Полицеймейстер. Каждое утро в семь часов и каждый вечер — в восемь, Великий Князь подавал Императору рапорт. При этом необходимо было отдавать отчет о мельчайших подробностях, относящихся до гарнизона, до всех караулов города, до конных патрулей, разъезжавших в нем и в его окрестностях, и за малейшую ошибку давался строгий выговор. Великий Князь Александр был еще молод и характер его был робок; кроме того он был близорук и немного слух; из сказанного можно заключить, что эта должность не была синекурою и стоила Александру многих бессонных ночей. Оба Великих Князя смертельно боялись своего отца, и когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали, как осиновый лист. При этом они всегда искали покровительства у других вместо того, чтобы иметь возможность самим его оказывать, как это можно было ожидать, судя по высокому их положению. Вот почему они внушали мало уважения и были непопулярны.

Два Князя Чарторыйские, Адам и Константин, были назначены Адъютантами к Великим Князьям, первый — к Александру, второй — к Константину. Это возбудило много толков, которые кончились тем, что оба Князя испросили себе увольнение от должности.

Как я уже сказал выше, много Полковников, Майоров и других офицеров, были включены в состав Гвардейских полков и так как все они были лично известны Императору и имели связи с придворным штатом, то многие из них имели доступ к Императору, и заднее крыльцо дворца было для них

открыто. Благодаря этому мы естественно были сильно вооружены против этих господ, тем более, что вскоре мы узнали, что они занимались доносами и передавали все до малейшего вырвавшегося слова.

Из всех этих лиц, имен, которых не стоит и упоминать, особенного внимания однако заслуживает одна личность, игравшая впоследствии весьма важную роль. Это был Полковник Гатчинской артиллерии Аракчеев, имя которого, как страшилища Павловской и особенно Александровской эпохи, несомненно, попадет в историю. По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире. Он был высокого роста, худощав и мускулист, с виду сутуловат, с длинной тонкой шеей, на которой можно было бы изучить анатомию жил, мускулов и т. п. В довершение всего он как-то особенно сморщивал подбородок, двигая им как бы в судорогах. Уши у него были большие, мясистые; толстая, безобразная голова, всегда несколько склоненная на бок. Цвет лица у него был земляной, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, большой рот и нависший лоб. Чтобы закончить его портрет скажу, что глаза у него были впалые, серые и вся физиономия его представляла странную смесь ума и злости. Будучи сыном мелкопоместного дворянина, он поступил кадетом в артиллерийское училище, где он до того отличался способностями и прилежанием, что вскоре был произведен в офицеры и назначен преподавателем геометрии. Но в этой должности он проявил себя таким тираном и так жестоко обращался с кадетами, что его переведи в артиллерийский полк, часть которого вместе с Аракчеевым попала в Гатчину.

В Гатчине Аракчеев вскоре обратил на себя внимание Павла и благодаря своему уму, строгости и неутомимой деятельности, сделался самым необходимым человеком в гарнизоне, страшилищем всех живущих в Гатчине и приобрел неограниченное доверие Великого Князя. Надо сказать

правду, что он был искренно предан Павлу, чрезвычайно усерден к службе и заботился о личной безопасности Императора. У него был большой организаторский талант и во всякое дело он вводил строгий метод и порядок, которые он старался поддерживать строгостью, доходившею до тиранства. Таков был Аракчеев. При вступлении на престол Императора Павла он был произведен в Генерал-майоры, сделан шефом Преображенского полка и назначен Петербургским комендантом. Так как он прежде служил в артиллерии, то он сохранил большое влияние на этот род оружия и, наконец, был назначен начальником всей артиллерии, в каковой должности оказал большие услуги государству.

Характер его был настолько вспыльчив и деспотичен, что молодая особа, на которой он женился, находя невозможным жить с таким человеком, оставила его дом и вернулась к своей матери. Замечательно, что люди жестокие и мстительные обыкновенно трусы и боятся смерти. Аракчеев не был исключением из этого правила: он окружал себя стражею, редко спал две ночи к ряду в одной и той же кровати, обед его готовился в особой кухне доверенною кухаркою (она же была его любовницею) и когда он обедал дома, его доктор должен был пробовать всякое кушанье, и то же делалось за завтраком и ужином.

Этот жестокий и суровый человек был совершенно неспособен на нежную страсть, но в тоже время вел жизнь крайне развратную.

Тем не менее, у Аракчеева было два больших достоинства. Он был действительно беспристрастен в исполнении суда и крайне бережлив на казенные деньги. В царствование Павла Аракчеев был, несомненно, из тех людей, которые возбудили неудовольствие общественного мнения против правительства, но Император Павел, по природе человек великодушный, проницательный и умный, сдерживал строго-

сти Аракчеева и наконец удалил его. Но когда, после смерти Павла, Император Александр снова призвал его на службу и дал его влиянию распространиться на все отрасли управления, причем он на деле сделался первым министром, — тогда Аракчеев поистине стал бичом всего государства и довел Александра до того шаткого положения, в котором он находился в минуту своей смерти в Таганроге, и которое разрешилось бунтом, вспыхнувшим при вступлении на престол Императора Николая, первою мерою которого, для успокоения умов было увольнение и удаление Графа Аракчеева.

Из остальных правительственных лиц этого царствования я упомяну еще о Графе Ростопчине, бывшим в 1812 году Московским Генерал-губернатором, человеке весьма даровитом и энергичном, но при этом насмешливом и едком. Он был Генерал-адъютантом и, на короткое время, Министром Иностранных Дел. Ту же должность некоторое время занимал и Граф Пален, человек также чрезвычайно талантливый и благородный, но холодный и крайне гордый. Адмирал Рибас, родом Мальтиец, отличался в Турецких войнах при Екатерине вместе с Паленом и Адмиралом Литтой. Это был человек чрезвычайно хитрый, предприимчивый и ловкий. Закончу этот список Генералом Нелидовым, родственником вышеназванной Екатерины Ивановны Нелидовой, прекрасным молодым человеком, пользовавшимся большим влиянием на Императора и который вместе со своей родственницей прилагал все свои старания, дабы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойных и облегчать участь тех, которые подверглись опале.

А теперь перехожу к женскому персоналу Двора Императора Павла.

Я уже упоминал о том положении, которое занимала при дворе Баронесса, впоследствии Графиня и позже Княгиня Ливен. Она была воспитательницей Великих Княжон, другом

и доверенным лицом Императрицы и обладала редкими душевными качествами и выдающимся умом. Ее прямота, твердость и благородство заставляли самого Императора уважать ее мнение. По ее рекомендации две ее приятельницы: Графиня Пален и Г-жа фон Рённе получили должность Статс-дам при Великих Княгинях: Елизавете Алексеевне (супруге Александра) и Анне Федоровне (супруге Константина). Здесь кстати замечу, что муж первой из этих дам, Граф Пален, был вызван в Петербург, назначен командиром Конной Гвардии и Инспектором тяжелой кавалерии. Впоследствии он был сделан Военным Губернатором Петербурга, Управляющим Иностранными делами и Почтовым Ведомством, вследствие чего в его руках находились ключи от всех государственных тайн, так что в столице никто не мог предпринять чего-либо без его ведома.

Так как читатель уже ознакомлен с необыкновенным характером этой эпохи, а также с большинством из главнейших деятелей тогдашнего времени, то я вернусь теперь к моему повествованию и буду излагать в хронологическом порядке события кратковременного царствования Императора Павла.

Глава II

Характеристика Императора Павла. — Строгость к военным. — А. А. Саблуков. Его опала и помилование. — Жизнь в Гатчине. — Менуэт с Нелидовой. — Снисходительность Павла. — Заслуги и достоинства этого Государя. — Генеральша Лаврова, рожденная Демидова. — Ее дело в Сенате. — Анна Петровна Лопухина. — La troupe dorée[13]*. — Уваров и Чичагов. — Черта Русских Государей*

В своем рассказе я изобразил Императора Павла человеком глубоко религиозным, исполненным истинного благочестия и страха Божия. И действительно это был человек в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды, повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман, заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же, лихоимство и взяточничество. К несчастью все эти похвальные и добрые качества оставались совершенно бесполезными как для него лично, так и для государства, благодаря его несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетерпеливой требовательности беспрекословного повиновения. Малейшее колебание при исполнении его приказаний, малейшая неисправность по службе влекли за собою жестокий выговор, и даже наказание без всякого различия лиц. На Павла нелегко было иметь влияние, так как, почитая себя всегда правым, он с особенным упорством держался своего мнения и ни за что не хотел от него отказаться. Он был чрезвычайно раздражителен и от малейшего противоречия приходил в такой гнев, что казался совершенно исступленным. А между тем он сам вполне сознавал это и впоследствии глубоко этим огорчался, сожалея собственную

---

[13] Златое время. (*Пер. с франц.*)

вспыльчивость; но, не смотря на это все-таки не имел достаточной силы воли, чтобы победить себя.

Стремительный характер Павла и его чрезмерная придирчивость, и строгость к военным, делали эту службу весьма неприятною. Нередко за ничтожные недосмотры и ошибки в команде, офицеры, прямо с парада, отсылались в другие полки и на весьма большие расстояния. Это случалось настолько часто, что у нас вошло в обычай, будучи в карауле, класть за пазуху несколько сот рублей ассигнациями, дабы не остаться без денег в случае внезапной ссылки. Мне лично пришлось три раза давать взаймы деньги своим товарищам, которые забыли принять эту предосторожность. Подобное обращение естественно держало офицеров в постоянном страхе и беспокойстве, благодаря чему многие совсем оставили службу и удалялись в свои поместья, другие же переходили в гражданскую службу. Благодаря этому, как я уж говорил, производство шло у нас чрезвычайно быстро, особенно для тех, которые имели крепкие нервы. Я, например, подвигался очень скоро, так что из Подпоручика Конной Гвардии, каким я был в 1796 году, во время восшествия на престол Павла, я в Июне 1799 года уже был Полковником, миновав все промежуточные ступени. Из числа ста тридцати двух офицеров бывших в Конном Полку в 1796 году, всею двое (я и еще один) остались в нем до кончины Павла Петровича. То же самое, если еще не хуже, было и в других полках, где тирания Аракчеева и других Гатчинцев менее сдерживалась, чем у нас. Легко себе представить положение тех семейств, сыновья которых были офицерами в эту эпоху: они естественно находились в постоянном страхе и тревоге, опасаясь за своих близких, так что можно, без преувеличения, сказать, что Петербург, Москва и даже вся Россия были погружены в постоянное горе.

Не смотря на то, что аристократия тщательно скрывала свое недовольство, чувство это, однако, прорывалось иногда

наружу и во время коронации, в Москве, Император не мог этого не заметить. Зато низшие классы «миллионы», с таким восторгом приветствовали Государя, что Павел стал объяснять себе холодность и видимую недоброжелательность со стороны дворянства — нравственной испорченностью и «якобинскими» наклонностями. Что касается нравственной испорченности, то в этом случае он был отчасти прав, так как нередко многие из наиболее недовольных, когда он обращался к ним лично, отвечали ему льстивыми словами и с улыбкою на устах. Император, благодаря честности и откровенности своего нрава, никогда не подозревал в этом двоедушии, тем более это он сам часто говорил, что «будучи всегда готов и рад доставить законный суд и полное удовлетворение всякому, кто считал бы себя обойденным или обиженным; он не боится быть несправедливым».

Как пример странности характера Павла и его способа действий приведу следующий мне хорошо известный случай, бывший с моим отцом.

Выше, я уже говорил, что в Екатерининское время русская армия имела мундиры светло-зеленого сукна, а флот — белого и что Император Павел оба эти цвета заменил тёмно-зеленым, синеватого оттенка, желая сделать его более похожим на синий цвет прусских мундиров. Краска эта приготовлялась из особых минеральных веществ, которые оседали на дно котлов, вследствие чего было очень трудно сразу приготовить большое количество этого сукна одинакового оттенка. Между тем, в известный день, войска должны были явиться в Гатчину на смотр, и оказалось необходимым приобрести значительное количество этого сукна в кусках. При этом произошла такая спешка, что Комиссариатский Департамент не имел времени подобрать для каждой бригады и дивизии сукно одного только оттенка, вследствие чего во многих полках оказалось некоторое различие в цвета мундиров.

Император немедленно заметил этот недостаток, чрезвычайно разгневался и тут же, приложив к одному из образцов сукна собственноручную печать, велел послать Мануфактур-коллегии рескрипт, в котором повелевалось, чтобы впредь все казенные фабрики изготовляли сукно точно такого цвета, как этот образчик. Мой отец был в это время Вице-президентом Мануфактур-коллегии и в действительности заправлял всеми делами этого ведомства, так как Президент ее, Князь Юсупов, никогда ничего не делал. Зная моего отца, Император приказал Президенту Военной Коллегии Генерал-лейтенанту Ламбу поручить это дело особому его вниманию. В виду этого отец мой немедленно же написал всем казенным фабрикам циркуляр, в котором сообщал волю Государя и требовал немедленного ответа.

Ответы были получены почти одновременно и все единогласно подтверждали, что, благодаря свойству самой краски, крашеное сукно, в кусках, невозможно изготовить совершенно однородного цвета. Об этом отец мой, со своей стороны, уведомил Генерал-лейтенанта Ламба.

Надо сказать, что в это время в Петербурге свирепствовал род гриппа, который зачастую принимал опасную форму, и отец мой как раз захворал этою болезнью, и притом в такой степени, что у него появился сильный жар, и расположение к бреду. Естественно, что ему был предписан безусловный покой.

Между тем Генерал Ламб отправился с обычным рапортом в Гатчину, где в то время жил Государь, и по приезде своем застал Его Величество верхом на коне, едущим на смотр. На вопрос Императора, нет ли чего-нибудь нового или важного, Ламб отвечал: «Ничего особенного, Государь, кроме письма Вице-президента Мануфактур-коллегии Саблукова с ответом от фабрикантов, которые сообщают единогласно, что окрашивать сукно в кусках в совершенно однородный цвет решительно невозможно».

— Как невозможно? — вскричал Император. Затем произнеся скороговоркою: — Очень хорошо! — и не сказал больше ни слова, сошел с лошади, пошел во Дворец и тотчас же отправил нарочного фельдъегеря к Военному Губернатору Петербурга, Графу Палену, со следующим приказанием:

«Выслать из города Тайного Советника Саблукова, уволенного от службы и немедленно отправить назад посланного с донесением об исполнении этого приказания»

(подписано) *«Павел.»*

Я сидел над моим бедным отцом в комнате, соседней с его кабинетом, когда Петербургский Обер-Полицеймейстер, Генерал-Майор Лисаневич, близкий друг нашей семье, вошел в комнату и быстро спросил меня: «Что делает Ваш батюшка?»

— Лежит в соседней комнате, — отвечал я — и боюсь не на смертном ли одре.

— Неужели? — воскликнул Лисаневич.

— Тем не менее, я необходимо должен его видеть; ибо имею сообщить ему немедленно приказание от Императора. — С этими словами он вошел в спальню, и я машинально последовал за ним.

Лицо несчастного моего отца было совершенно багровое, и он едва сознавал, что происходит вокруг него. Лисаневич два раза окликнул его:

— Александр Александрович!

Отец, очнувшись немного, сказал:

— Кто Вы такой? Что вам нужно?

— Я Лисаневич, Обер-Полицеймейстер. Узнаете вы меня?

Отец мой отвечал:

— Ах, Василий Иванович, это вы! Я очень болен: что вам нужно?

— Вот Вам приказ от Императора.

Отец мой развернул бумагу, а я в это время поместился так, чтобы иметь возможность прочесть бумагу и в тоже

время следить за ее действием на лице моего отца. Он прочел бумагу, протер глаза, и воскликнул:

— Господи! да что же я сделал?

— Я ничего не знаю, — возразил Лисаневич, — кроме того, что я должен выслать Вас из Петербурга.

— Но Вы видите, любезный друг, в каком я положении.

— Этому горю я помочь не могу: я должен повиноваться. Я оставлю у вас в доме полицейского, чтобы засвидетельствовать Ваш отъезд, а сам немедленно отправлюсь к Графу Палену, чтобы донести ему о вашем положении; Вам же советую отправить к нему Вашего сына.

Я возблагодарил Бога, заметив, что несчастный отец мой из багрового цвета постепенно перешел в бледный, ибо я признаюсь, опасался, что с ним может приключиться апоплексический удар. Моя дорогая матушка, которая в такие тяжелые минуты была исполнена энергии и присутствия духа, зная, что Император сначала всегда бывает неумолим, немедленно послала на нашу дачу, находившуюся в двух милях от города, приказание, чтобы в комнате садовника, которая отапливалась печью, была приготовлена постель. Хотя это было зимою, но не было особенного мороза, и поэтому матушка немедленно велела приготовить карету и послать за доктором.

Я поехал тем временем к Графу Палену, который был очень привязан к моему отцу и во многих случаях бывал очень добр и ко мне лично.

— Вот так история, — встретил он меня.

— Хотите стакан Лафита? (Это была известная привычка у Палена предлагать стакан Лафита всякому, кто попадал в беду.)

— Никакого мне Лафита не нужно, — с нетерпеньем перебил я его. — Мне нужно только, чтобы Вы оставили моего отца на месте!

— Это невозможно. Dites à Votre père, — продолжал он по-французски, — qu'il sait combien je l'aime et que je n'y pais rien; que si l'un de nous deux doit aller au diable, c'est lui qui doit y aller. Qu'il sorte de la ville coûte que coûte; après cela nous verrons ce qu'on peut faire pour lui... Mais pourquoi diable est-il renvoyé?

— Ni moi, ni mon père n'en savons rien,[14] — возразил я; пожав ему руку а уехал.

Вернувшись домой, я нашел уже все приготовленным для отъезда моего отца. Добрая матушка была неутомима: она крепко закутала его в меховую одежду, велела постлать постель и карете, в которую его внесли, сама села с ним, а доктор следовал рядом в другом экипаже. Через три часа после распоряжения Павла, отец мой уже проехал городскую заставу. Полицейский чиновник, все время находившийся в нашем доме, тотчас донес об этом Палену, как Военному Губернатору, а последний отослал обратно Государева Фельдъегеря с рапортом, что приказание Его Величества исполнено в точности.

Вечером того же дня я поехал проведать отца. Матушка и доктор находились при нем, и врач сообщил мне утешительное известие, что никаких серьезных последствий опасаться не надо. Но, увы, с ним все-таки сделался легкий паралич, от которого он никогда уже не оправился.

Спустя два дня после этого происшествия получено было извещение, что Государь, вместе со всем двором, наследующий день прибудет в Петербург. По обыкновению был

[14] Скажите вашему отцу, что он знает, насколько я его люблю, и что тут я ничего не могу поделать; и что, если кто-то из нас двоих должен отправится куда подальше, так это придется сделать ему. Пусть во что бы то ни стало уезжать из города. Ну а после мы посмотрим, что можно будет для него сделать. Но, черт возьми, почему его высылают? Об этом мы ничего не знаем, ни я, ни мой отец. (*Пер. с франц.*)

назначен вахтпарад, и очередь идти в караул как раз была моя. Из ста шести человек, составлявших мой эскадрон, девяносто шесть должны были явиться на парад верхом, что составляло весьма значительное число. Надо знать, что если лицо, носившее известное имя подвергалось какому-либо взысканию со стороны Императора, то обыкновенно эту немилость разделяли и другие члены этой семьи, находившиеся на службе. Вот почему мое появление на параде почти немедленно после отставки и изгнания и столицы моего отца, было для меня делом довольно щекотливым. Но делать было нечего, мне все-таки надо было явиться во время со всем моим эскадроном. Правда, я знал, что он хорошо обучен, но всегда могли произойти ошибки и последствия их могли оказаться для меня весьма важными; и не только для меня, но и для моего эскадрона и даже для всего полка, так бывало не раз при подобных обстоятельствах.

Тогдашний наш полковой командир, Князь Голицын, велел еще накануне вывести мой эскадрон, чтобы сделать репетицию парада, но офицеры и солдаты были так взволнованы, что все шло плохо, и Генерал наш был в отчаянии. Я попросил его, однако же, успокоиться и не делать выговоров, обещая ему, что все пойдет хорошо. Я сам похвалил солдат, приказал им отправиться в баню, затем плотно поужинать и спокойно лечь спать. Что касается офицеров, которые подвергались наибольшей опасности, то я попросил их не думать ни о чем и только внимательнее прислушиваться к команде. В казармах я отдал строгое приказание, чтобы солдат не будили пока я не приеду сам. В описываемое время все солдаты также носили букли и толстые косички со множеством пудры и помады, вследствие чего прическа нижних чинов занимала очень долгое время, так как у нас полагалось всего два парикмахера на эскадрон, так что солдаты, когда они готовились к параду, принуждены были не спать всю ночь из-за своей завивки. Но этого я никак не мог допустить в

моем опасном положении, в котором все зависело от состояния нервов моих солдат. Поэтому я велел собрать всех парикмахеров со всего полка, приказав им как можно скорее причесать свой эскадрон, благодаря чему солдаты могли освободиться раньше и выспаться, как следует.

В пять часов утра я велел их разбудить, к 9 часам люди и лошади были готовы, выстроены перед казармами и смотрели весело и бодро. Я сел на своего красивого гнедого мерина «Le Chevalier d'Eon», поздоровался с людьми, дал им пароль и мы отправились во дворцу.

Император вначале смотрел мрачно и имел вид недовольный, но я с удвоенною энергии дал пароль, офицеры же и солдаты исполнили свои дело превосходно. Его Величество, вероятно и собственному своему удивлению, остался настолько доволен, что два раза подъезжал хвалить меня. Словом, все пошло хорошо и для меня, и для моего эскадрона и для моей отца, да и вообще для всех, кому в этот день пришлось говорить с Его Величеством, ибо подобного рода гроза падала на всех, кто к нему приближался, без различия возраста и пола, не исключая даже и собственного его семейства.

Теперь я снова попрошу читателя последовать за мною в Гатчину и вернуться к тому времени, когда Император подписал приказ об увольнении от службы и удалении из столицы моего отца. Тем же почерком пера Павел тут же назначил на место моего отца Сенатора Аршеневского и особым рескриптом предписал ему немедленно исполнить его приказание относительно цвета сукна. Аршеневский был очень хороший и рассудительный человек и все знали, что он был близким другом и почитателем моего отца. Обстоятельство это было известно и Императору, ибо в Сенате, они неоднократно держались одного мнения и Павел часто с ними соглашался. В назначении Аршеневского, таким образом, нельзя было усматривать гнева против моего отца.

Не теряя ни минуты времени, новый Вице-президент Аршеневский занял свое место в Мануфактур-коллегии. Председатель, Князь Юсупов, не мог объяснить того, что случилось, а также не мог посоветовать, что предпринять дальше. Тогда Аршеневский сам рассмотрел дело, затем лично поехал посоветоваться с моим отцом и, убедившись наконец, что кроме того, что уже сделал мой отец, делать больше нечего, он, для того чтобы не подвергаться дальнейшей ответственности, подал Императору прошение об увольнении, приложив к нему письмо на имя Его Величества, объясняющее его поводы к такому поступку. В тоже время Генерал-прокурор Сената, Беклешов, который на деле был Министром Юстиции, посоветовал моему отцу написать Императору краткое письмо, в котором он выражал свое горе по поводу того, что навлек на себя его гнев. Это письмо вместе с прошением Аршеневского Беклешов вручил Государю немедленно по возвращении его с парада, на котором я удостоился такой похвалы.

Император, который сам только что выздоровел от гриппа и еще не совсем чувствовал себя хорошо, услышав, как жестоко был исполнен его приговор над моим отцом, чрезвычайно взволновался. Он немедленно потребовал к себе Генерал-прокурора и со слезами на глазах попросил его тотчас съездить к моему отцу, извиниться за него в его жестокой несправедливости и просить его прощения. После этой милостивой вести он ежедневно, по два раза, посылал узнавать о здоровье моего отца и когда тот, наконец, был в силах выезжать и явиться к Государю, то между монархом и его подданным произошла весьма трогательная сцена примирения в присутствии Беклешова, причем моему отцу, разумеется, была возвращена его прежняя должность.

Тем не менее, случай этот очень повредил Павлу в общественном мнении, так как мои родители оба были весьма лю-

бимы и уважаемы. И действительно трудно было найти в Петербурге людей, которые бы пользовались большим расположением и вниманием, которых они вполне заслуживали, благодаря своей доброте и отзывчивости ко всем нуждающимся и несчастным. В течение немногих дней опалы моего отца и вскоре после его возвращения, о нем беспрестанно наведывались и с участием расспрашивали о его здоровье. Оказанная ему несправедливость вызвала сильное негодование, которое высказывалось открыто и резко, как в частных разговорах, так и в письмах, которые получались из Москвы и из провинции. Может показаться невероятным, что в стране самодержавной и при Государе, гнев которого был неукротимым, могли так свободно порицать его действия. Но старинный русский дух был еще жив и его не могли подавить ни строгость, ни полицейские.

Зная вспыльчивый, но склонный к великодушным порывам характер Императора Павла, видя зачастую его искреннее желание быть справедливым, Граф Пален, несомненно, мог бы воспользоваться тяжкою болезнью моего отца и рапортом Полицеймейстера, чтобы дать Государю время одуматься и хладнокровно обсудить неосновательность своего гнева. Но в планы Графа Палена и тех, кто действовали с ним заодно, по-видимому, не входило вызывать этого монарха раскаяние: его судьба была предрешена, и он должен был погибнуть. Когда Палену приходилось иногда слышать не совсем умеренную критику действий Императора, он обыкновенно останавливал говоривших словами: «Messieurs! Jean f.… qui parle, brave homme qui agit!»[15]

Теперь вернемся снова в Гатчину, это ужасное место, откуда последовал указ об увольнении моего отца, и которое было колыбелью пресловутой Павловской армии с ее организацией,

---

[15] Господа! Дурак, кто болтает, молодец, кто действует. (*Пер. с франц.*)

выправкой и дисциплиной. Гатчина было любимым местопребыванием Павла в осеннее время, и здесь происходили ежегодные маневры войск. Как северная деревенская резиденция, Гатчина великолепна: дворец, или вернее замок представляет обширное здание, выстроенное из писаного камня, и прекрасной архитектуры. При дворце — обширный парк, в котором множество великолепных старых дубов и других деревьев. Прозрачный ручей вьется вдоль парка и по садам, обращаясь в некоторых местах в обширные пруды, которые почти можно назвать озерами. Вода в них до того чиста и прозрачна, что, на глубине 12—15 футов, можно считать камушки и в ней плавают большие форели и стерляди.

Павел был весьма склонен к романтизму и любил все, что имело рыцарский характер. При этом он имел расположение к великолепию и роскоши, которыми он восторгался во время пребывания в Париже и других городах Западной Европы.

Как я уже говорил, в Гатчине происходили большие маневры, во время которых давались и празднества. Балы, концерты, театральные представления беспрерывно следовали одни за другими, и можно было думать, что все увеселения Версаля и Трианона по волшебству перенесены были в Гатчину. К сожалению, эти празднества нередко омрачались разными строгостями, как например арестом офицеров, или ссылкою их в отдаленные гарнизоны без всякого предупреждения».

Случались и несчастия, какие бывают нередко» во время больших кавалерийских маневров, что приводило Императора в сильное раздражение. Впрочем, не смотря на сильный гнев, вызываемый подобными случаями, он выказывал большое человеколюбие и участие, когда кто-нибудь был серьезно ранен.

Как-то раз, в то время, когда я находился во внутреннем карауле, во дворце произошла забавная сцена. Выше я упоминал, что офицерская караульная комната находилась

близь самого кабинета Государя, откуда я часто слышал его молитвы. Около офицерской комнаты была обширная прихожая, в которой находился караул, а из нее шел длинный узкий коридор, ведший во внутренние апартаменты дворца. Здесь стоял часовой, который немедленно вызывал караул, когда Император показывался в коридоре. Услышав внезапно окрик часового «караул вон!», я поспешно выбежал из офицерской комнаты. Солдаты едва успели схватить свои карабины и выстроиться, а я обнажить свою шпагу, как дверь коридора открылась настежь и Император, в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге, поспешно вошел в комнату, и в ту же минуту дамский башмачок, с очень высоким каблуком, полетел через голову Его Величества, чуть-чуть ее не задевши. Император через офицерскую комнату прошел в свой кабинет, а из коридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак и вернулась туда же откуда пришла.

На другой день, когда я сменялся с караула, Его Величество подошел ко мне и шепнул: «Mon cher, nous avons eu du grabuge bier.» — «Oui, Sire,»[16] — отвечал я. Меня очень позабавил этот случай, и я никому не говорил о нем, ожидая, что за этим последует что-нибудь столь же забавное. Ожидания мои не обманулись: в тот же день, вечером выл бал, Император подошел ко мне, как к близкому приятелю и поверенному и сказал: «Mon cher, faites danser quelque chose de joli.»[17] Я сразу смекнул, что Государю угодно, чтобы я протанцевал с Екатериной Ивановной Нелидовой. Что можно было протанцевать красивого, кроме менуэта или гавота сороковых годов? Я обратился к дирижеру оркестра и спросил его,

---

[16] Мой дорогой, вчера у нас случилась перебранка. — Да, мой Государь.

[17] Мой дорогой, прикажите танцевать что-нибудь красивое. (*Пер. с франц.*)

может ли он сыграть менуэт и, получив утвердительный ответ, я просил его начать, и сам пригласил Нелидову, которая, как известно, еще в смольном отличалась своими танцами. Оркестр заиграл и мы начали. Что за грацию выказала она, как прелестно выделывала «па» и повороты, какая плавность была во всех движениях прелестной крошки, не смотря на ее высокие каблуки — точь-в-точь знаменитая Лантини, бывшая ее учительница! Со своей стороны и я не позабыл уроков моего учителя Канциани и при моем кафтане à la Frédéric le Grand[18], мы оба точь-в-точь имели вид двух старых портретов. Император был в полном восторге и, следя за нашими танцами во все время менуэта, поощрял нас восклицаниями: «C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux!»[19]

Когда этот первый танец благополучно был окончен, Государь просил меня устроить другой и пригласить вторую пару. Вопрос теперь заключался в том, кого выбрать и кто захочет себя выставить напоказ при такой смущающей обстановке. В нашем полку был офицер, по имени Хитров. Я вспомнил, что когда-то, будучи 13-ти летним мальчиком, он вместе со мною брал уроки у Канциани и так как он в то время всегда носил красные каблуки, я прозвал его камергером. Никто не мог мне быть более подходящим. Я подошел к нему и сообщил о желании Его Величества. Сначала Хитров колебался, хотя видимо был рад выставить себя напоказ и, после некоторого размышления, спросил меня, какую ему выбрать даму. — «Возьмите старую девицу Валуеву» — посоветовал я ему и он так и сделал. Разумеется, я снова пригласил Нелидову, и танец был исполнен на славу к величайшему удовольствию Его Величества. За этот подвиг я был награж-

---

[18] На манер Фридриха Великого. (*Пер. с франц.*)

[19] Это очаровательно, это превосходно, это восхитительно! (*Пер. с франц.*)

ден лишь забавою, которую он мне доставил, но зато Алексею Хитрову этот менуэт оказал большую пользу. Будучи не особенно исправным офицером, он был сделан Камергером, что ввело его в гражданскую службу и, угождая разным влиятельным Министрам, он, наконец, сам сделался Министром, а в настоящее время[20] он весьма снисходительный Государственный Контролер и вообще очень добрый человек.

Об Императоре Павле принято обыкновенно говорить, как о человеке чуждом всяких любезных качеств, всегда мрачном, раздражительном и суровом. На деле же характер его вовсе был не таков. Остроумную шутку он понимал и ценил не хуже всякого другого, лишь бы только в ней не видно было недоброжелательства или злобы. В подтверждение этого мнения я приведу следующий анекдот.

В Гатчине, насупротив окон офицерской караульной комнаты, рос очень старый дуб, который, я думаю, и теперь еще стоит там. Это дерево, как сейчас помню, было покрыто странными наростами, из которых вырастало несколько веток. Один из этих наростов до того был похож на Павла, с его косичкою, что я не мог удержаться, чтобы не срисовать его. Когда я вернулся в казармы, рисунок мой так всем понравился, что все захотели получить с него копию и в день следующего парада я был осажден просьбами со стороны офицеров гвардейской пехоты. Воспроизвести его было не трудно, и я роздал не менее тридцати или сорока копий. Несомненно, что при том соглядатайстве со стороны Гатчинских офицеров, которому подвергались все наши действия, история с моим рисунком дошла до сведения Императора. Будучи вскоре после этого еще раз в карауле, я, от нечего делать, занялся срисовыванием двух очень хороших бюстов, стоявших перед зеркалом в караульной комнате, из которых один

[20] Написано в 1847 году.

изображал Генриха IV, а другой Сюлли. Окончив рисунок с Генриха IV, я был очень занят срисовыванием Сюлли, когда в комнату незаметно вошел Император, стал сзади меня и, ударив меня слегка по плечу, спросил:

— Что вы делаете?

— Рисую, Государь, — отвечал я.

— Прекрасно! Генрих IV очень похож, когда будет окончен. Я вижу, что вы можете сделать хороший портрет… Делали вы когда-нибудь мой?..

— Много раз, Ваше Величество.

Государь громко рассмеялся, взглянул на себя в зеркало и сказал: «Хорош для портрета!» Затем он дружески хлопнул меня по плечу и вернулся в свой кабинет, смеясь от души.

Думаю, что нельзя было поступить снисходительнее с молодым человеком, который нарисовал его карикатуру, но в котором он не имел поводу предполагать какого-либо дурного умысла.

Несомненно, что в основе характера Императора Павла лежало истинное великодушие и благородство и, не смотря на то, что он был ревнив к власти, он презирал тех, кто раболепно подчинялись его воле в ущерб правде и справедливости, и наоборот, уважал людей, которые бесстрашно противились вспышкам его гнева, чтобы защитить невинного. Вот, между прочим, причина, по которой он до самой своей смерти оказывал величайшее уважение и внимание Обершталмейстеру Сергею Ильичу Муханову.

Но довольно о Гатчине с ее маневрами, вахтпарадами празднествами и танцами на гладком и скользком паркете дворца. Хотя вспыльчивый характер Павла и был причиною многих прискорбных случаев (многие из которых связаны с воспоминанием о Гатчине), но нельзя не высказать сожаления, что этот, безусловно благородный, великодушный и честный Государь, столь нелицеприятный, искренно и горячо

желавший добра и правды, не процарствовал долго и не очистил высшую чиновную аристократию, столь развращенную в России, от некоторых ее недостойных членов. Павел I всегда рад был слышать истину, для которой слух его всегда был открыт, а вместе с нею он готов был уважать и выслушать то лицо, от которого он ее слышал.

Хотя раздача наград и милостей царских и зависела от личной благосклонности Императора к данному лицу, но милостями этими никогда не определялись повышения по службе, вследствие чего суд над начальниками и подчиненными был справедлив и нелицеприятен. Корнет мог свободно и безбоязненно требовать военного суда над своим полковым командиром, вполне рассчитывая на беспристрастное разбирательство дела. Это обстоятельство было для меня тем щитом, которым я ограждался от Великого Князя Константина Павловича во все время его командования (шефства) нашим Полком и при помощи которого я мог с успехом бороться против его вспыльчивости и горячности. Одно только упоминание о военном суде приводило Его Высочество в настоящий ужас. Тем не менее, я должен здесь упомянуть, что много лет спустя, а именно в декабре 1829 года, когда я свиделся с Константином Павловичем в Дрездене, он принял меня с распростертыми объятиями и, в присутствии своего побочного сына Г. Александрова, вспоминая о происходивших между нами ссорах, чистосердечно сознался, что он был постоянно не прав и с полным благородством признал совершенную правильность моих действий относительно него. Мне особенно приятно писать эти строки и засвидетельствовать здесь на земле, что Великий Князь, которого обыкновенно очень строго осуждали, не был лишен, как уверяли многие, добродетелей и прежде всего смирения и доброжелательства.

Как доказательство того уважения, которое Император Павел питал к постановлениям военных судов и его

беспристрастия в деле правосудия, можно привести следующий случай.

В первый год его царствования Генерал-прокурором Сената был Граф Самойлов, родственник некого Генерала Лаврова, женатого на сестре известного богача Демидова. Лавров был человек распутный, большой игрок и обременен долгами. Жена его была особа довольно легких нравов, обладала большим состоянием и находилась в связи с тремя офицерами нашего полка. Оставшись чрезвычайно довольна усердием и вниманием своих обожателей, Генеральша выдала каждому из них по векселю в 30 тысяч рублей. Супруг, взбешенный тем, что такая значительная сумма ускользнула из его рук, подал прошение в Сенат, заявляя, что жена его — идиотка, неспособная даже прочесть сумму, вписанную в текст векселя, в котором первоначально стояло 3000 рублей и что лишний ноль на каждом из векселей был прибавлен ее любовниками, которых он, кстати, и обвинял в подлоге.

Сенат, под влиянием Генерал-прокурора Самойлова, признал офицеров виновными в подлоге и приговорил к разжалованию. Приговор этот был представлен на утверждение Государя; но последний, вместо того чтобы утвердить постановление Сената, велел созвать в нашем полку военный суд.

В качестве младшего члена полкового суда мне пришлось подавать свой голос первым и я, прежде всего, предложил спросить Генеральшу Лаврову, считает ли она сама эти три векселя подложными? Г-жа Лаврова прислала письменное заявление, в котором сообщала, что подлога нет, что она любит этих трех офицеров и желает сделать им подарок, а что муж ее «лжец». Тогда я подал голос за то, чтобы Офицеры были оправданы в подлоге, но были уволены из полка за поведение, недостойное дворянина. Военный суд единогласно принял это решение, приговор был представлен Государю, который и утвердил его, отменив решение Сената и сделав

Сенаторам строгий выговор. Впоследствии эти три Офицера неоднократно высказывали мне свою благодарность.

Император Павел, как я уже говорил, был искренним христианином, человеком глубоко религиозным, отличался с раннего детства богобоязненностью и благочестием. По взглядам своим это был совершенный джентльмен, который знал как надо обращаться с истинно порядочными людьми, хотя бы они и не принадлежали к родовой или служебной аристократии. Я находился на службе в течение всего царствование этого государя, не пропустил ни одного учения или вахтпарада и могу засвидетельствовать, что хотя он часто сердился, но я никогда не слыхал, чтобы из уст его исходила обидная брань[21]. Как доказательство его рыцарских, доходивших даже до крайности воззрений, может служить то, что он совершенно серьезно предложил Бонапарту дуэль в Гамбурге с целью положить этим поединком предел разорительным войнам, опустошавшим Европу. Свидетелями, со стороны Императора, должны были быть Пален и Кутайсов. Не смотря на всю причудливость и несовременность подобного вызова, большинство монархов, не исключая самого Наполеона, отдали полную справедливость высокогуманным побуждениям, руководившим русским государем, сделавшим столь рыцарское предложение с полною искренностью и чистосердечием.

Кстати о рыцарстве, мне пришло на память несколько случаев, бывших в Павловске, летней резиденции императорского семейства. Их Величества находились в Павловске преимущественно весною и ранним летом, так как во время сильных июльских жаров они предпочитали Петергоф на Финском заливе, где воздух был морской и более свежий.

[21] Однажды впрочем, на одном параде он так разгорячился, что ударил трех офицеров тростью и, увы, жестоко заплатил за это в последние минуты своей жизни. *Прим. автора.*

Павловск, принадлежавший лично Императрице Марии Федоровне, был устроен чрезвычайно изящно и всякий клочок земли здесь носил отпечаток ее вкуса, наклонностей, воспоминаний о заграничных путешествиях и т. п. Здесь был павильон роз, напоминавший Трианопспий; шале, подобные тем, которые она видела в Швейцарии; мельница и несколько ферм на подобие Тирольских; были сады, напоминавшие сады и террасы Италии. Театр и длинные аллеи были заимствованы из Фонтэнбло и там и сям виднелись искусственные развалины. Каждый вечер устраивались сельские праздники, поездки, спектакли, импровизации, разные сюрпризы, балы и концерты, во время которых Императрица, ее прелестные дочери и невестки, своею приветливостью, придавали этим развлечениям восхитительный характер. Сам Павел предавался им с увлечением, и его поклонение женской красоте зачастую заставляло его указать на какую-нибудь Дульцинею, что его услужливый Фигаро или Санчо-Панса-Кутайсов, немедленно и принимал к сведению, стараясь исполнить желание своего Господина.

Однажды, на одном из балов, данных в Москве по случаю его приезда в 1798 году, Император был совершенно очарован огненными черными глазами девицы Анны Лопухиной. Кутайсов, которому Павел сообщил о произведенном на него впечатлении, немедленно же рассказал об этом отцу девицы, с которым и был заключен договор, имевший целью, пленить сердце Его Величества.

«La troupe dorée»[22], как Император называл нас, офицеров Конной Гвардии в виду нашей элегантности и цвета наших мундиров, ярко-красных «tirant sur l'orange»[23], в качестве постоянных кавалеров Павловских увеселений, вскоре узнала об этой любовной интриге, о которой мы стали болтать доволь-

[22] Златое войско.

[23] Отливающих оранжевым. (*Пер. с франц.*)

но свободно. Это скоро дошло до сведения Государя, вследствие чего полк наш некоторое время был в немилости. Впрочем она была непродолжительна, так как девица Лопухина сама к нам очень благоволила и при том же две ее сестры вскоре вышли замуж за офицеров нашего полка: одна за Демидова, другая за Графа Кутайсова, сына Шталмейстера. Анна Петровна Лопухина вскоре была пожалована фрейлиной и приглашена жить в Павловске. Для нее было устроено особое помещение, нечто вроде дачи, в которую Павел мог легко пройти из «Розового Павильона» не будучи никем замеченным. Он являлся туда каждый вечер, как он в начале сам воображал, с чисто платоническими чувствами восхищения; но брадобрей и papa-Лопухин лучше знали человеческую натуру и вернее смотрели на будущее. Им постепенно удалось разжечь чувства Павла к девушке путем упорного ее сопротивления желаниям Его Величества, что впрочем, она и делала вполне искренно, так как, будучи еще в Москве, она испытывала довольно серьезную привязанность к одному Князю Гагарину, служившему Майором в армии и находившемуся теперь в Италии, в войсках Суворова. Однажды, в один из вечеров, когда Павел оказался более предприимчивым, чем обыкновенно, Лопухина неожиданно разрыдалась, прося оставить ее, и призналась Государю в своей любви к Гагарину. Император был поражен, но его рыцарский характер и врожденное благородство тотчас проявили себя: он немедленно же, решил отказаться от любви к девушке, сохранив за собою только чувства дружбы, и тут же захотел выдать ее замуж за человека, к которому она питала такую горячую любовь. Суворову немедленно посланы были приказания вернуть в Россию Князя Гагарина. В это самое время последний только что отличился в каком-то сражении и его поэтому отправили в Петербург с известием об одержанной победе. Я находился во дворце, когда Князь Гагарин прибыл

ко двору и вынес о нем впечатление как об очень красивом, хотя и не высокого роста человеке. Император тотчас же наградил его орденом, сам привел к его возлюбленной и в течение всего этого дня был искренне доволен и преисполнен гордости от сознания своего действительно геройского самопожертвования.

И вечером на «маленьком дворцовом балу» он имел положительно счастливый и довольный вид, с восторгом говорил о своем красивом и счастливом сопернике и представил его многим из нас с видом искреннего добродушия. Со своей стороны, я лично ни на минуту не сомневался в искренности Павла, благородная душа которого одержала победу над сердечным влечением. Не будь Кутайсова и Лопухина-отца, которые из личных выгод потакали дурным страстям Императора и привлекли в эту интригу даже самого Гагарина, не будь всего этого — нет никакого сомнения, что Княгиня Анна Гагарина, рожденная Лопухина, никогда не была бы maitresse en titre[24] Павла в момент убийства этого злополучного Государя.

Одновременно с этими любовными интригами совершались крупные политические события: союз между Россией и Англией и всем континентом против революционной Франции — был заключен. Суворов, вызванный из ссылки, назначен был Генералиссимусом союзной Русско-Австрийской армии, действовавшей в Италии в Феврале 1799 года. Другая русская армия под начальством Генерала Германа была отправлена в Голландию для совместных действий с армией Герцога Йоркского, имевшей целью атаковать Францию с севера. Наконец и едва ли не важнейшим событием было избрание Императора Гроссмейстером Мальтийского Ордена, вследствие чего остров Мальта был взят под его покровительство. Павел был в восторге от этого титула и это обстоятель-

---

[24] Признанная любовница. (*Пер. с франц.*)

ство в связи с романтической любовью, овладевшей его чувствительным сердцем, привело его в совершенный экстаз. Щедрости его не было предела: он велел купить три дома на набережной Невы и соединить их в один дворец, который подарил Князю Гагарину, снисходительному супругу черноокой Дульцинеи. Лопухин-отец был сделан светлейшим Князем и назначен Генерал-прокурором Сената: должность чрезвычайно важная, напоминающая отчасти, по значению своему, должность Первого Лорда Казначейства в Англии, нечто вроде Первого Министра. Кутайсов, исполнявший свою роль Фигаро при Гроссмейстере Мальтийского Ордена, продолжал служить для любовных поручений, вследствие чего он из брадобреев был пожалован в Графы и сделан Шталмейстером Ордена. Он купил себе дом по соседству с дворцом Княгини Гагариной и поселил в нем свою любовницу, французскую актрису Шевалье. Я не раз видел, как Государь сам привозил его туда и затем заезжал за ним, возвращаясь от своей любовницы.

При этом la troupe dorée, т. е. офицеры Конной Гвардии обязаны были принимать участие в том, что происходило во дворце. Едва подписан был союзный трактат с Англией, я получил приказание отправиться в Петербург и изготовить себе мундир точь-в-точь подобный тому, который носила Английская Конная Гвардия (Horse Guards) — красный с синими отворотами, вышитыми золотом. Это было нелегко, ибо кроме соответствующего сукна нужно было знать покрой английских мундиров. Но счастье и тут мне благоприятствовало, и вскоре я отыскал одного англичанина, по имени Дональдсона, который был когда-то портным Принца Валлийского, и сообщил ему о своем желании. Он сделал мне мундир менее, чем в два дня и я тотчас вернулся в Павловск, в новом мундире, которым восхищались все и в особенности Великие Княжны. Два иди три других офицера нашего полка

едва успели сшить себе такие мундиры, как вышло новое приказание: Конной Гвардии иметь мундиры пурпурового цвета. Пурпур был цвет Мальтийских Гроссмейстеров, почему Конная Гвардия и подучила этот цвет. В течение четырехлетнего царствовании Павда цвет и покрой наших мундиров был изменен не менее девяти раз.

Да не подумает, однако, читатель, что во все это время любовных переговоров, новых политических комбинаций, перемены форм, празднеств и увеселений, происходивших в Павловске, изменились или уничтожились те дисциплинарные строгости, которые были заведены в Гатчине и в Петербурге. Напротив того, их было столько же, если не больше, тем более, что почти ежедневно делались смотры. Эти смотры, делались не над корпусами, как во время маневров, а над небольшими частями, вследствие чего, всякая малейшая ошибка делалась заметнее. Тут же в Павловске находилась так называемая цитадель или форт, по имени Бип, куда сажали под арест провинившихся офицеров. Так напр. сюда попади два Полковника из донских казаков, братья Залувецкие, прославившиеся своими боевыми подвигами в Итальянскую кампанию 1799 года, которые 6ыли арестованы за остроумно-смелые ответы Павлу.

Флота-Капитан Чичагов также должен был отправиться под арест за резкий, почти дерзкий ответ Императору. Однако Чичагов воспротивился этому приказанию и не хотел идти под арест, ссылаясь на привилегии, связанные с Георгиевским крестом, кавалером которого он состоял. Взбешенный этим сопротивлением, Император велел сорвать с него Георгиевский крест, чтоб и было исполнено без всякого колебания дежурным Генерал-адъютантом Уваровым. При таком оскорблении, возмущенный Чичагов сбросил с себя мундир и в одном жилете отправился в форт. Впрочем, под арестом его продержали всего несколько дней, и вскоре после этого

он даже был произведен в Контр-адмиралы и получил в командование эскадру.

Этот Уваров был Полковником одного из полков, квартировавших в Москве, в то время, когда Павел впервые увидел Лопухину и увлекся ее блестящими черными глазами. Будучи любовником матери Лопухиной, Уваров естественно принимал также участие во всех махинациях, имевших целью завлечь Императора в любовные сети. Вместе с Лопухиными прибыл он в Павловск, был переведен в Конную Гвардию, вскоре же сделан Генерал-адъютантом и все время повышался в милостях наравне с Лопухиными. Во время обеда данного заговорщиками, именовавших себя после убийства Павла «освободителями», Уваров припомнил Чичагову, что он сорвал с него Георгиевский крест. Чичагов отвечал: «Если Вы будете служить нынешнему Императору так же верно как его предшественнику, то заслужите себе достойную награду». Уваров в качестве доверенного Генерал-адъютанта Павла был дежурным в ночь с 11 на 12-ое Марта и, как известно, был в тоже время одним из главных деятелей заговора.

Во всем мире едва ли найдется страна, в которой целый ряд Государей был бы одушевлен таким горячим чувством патриотизма как дом Романовых в России. Правда, многие сановники, министры и царедворцы нередко злоупотребляли личными слабостями и недостатками некоторых из Государей, да и сами они зачастую, благодаря чрезмерной самонадеянности, уклонялись с истинного пути; тем не менее, на сколько я могу судить по личным моим наблюдениям, я вынес искреннее убеждение в том, что в основе всякого действия этих Государей всегда лежало чувство горячей любви к родине. Государи русские искони гордились величием этого обширнейшего в мире государства и нередко считали необходимым принимать меры, сообразные с этим величием, вследствие чего, славолюбие это часто обращалось в личное тщеславие, а мудрая экономия в расточительность. Но

помимо свойственной всякому человеку склонности к тщеславно, Русские Государи имеют два повода, до известной степени, извинявшие это стремление к похвалам. Начать с того, что большая часть как мужских, так и женских представителей этого Дома всегда отличалась замечательною красотою и физическою силою.

Во-вторых, в силу исторических условий, они сделались представителями военного сословия: с самых древнейших времен Россия находилась в постоянной войне со своими соседями и во главе ее армий всегда стояли ее Монархи, сначала Цари Московские, а затем Императоры Всероссийские. Благодаря этому, любовь к военной славе передавалась от отца к сыну и сделалась преобладающею страстью в этой семье. И действительно, не может не возбуждать самолюбия и тщеславия один вид многих тысяч людей, которые двигаются, стоят, поворачиваются и бегут по одному слову, одному знаку этого монарха. Один весьма остроумный, высокопоставленный и влиятельный при Дворе офицер, говоря о громадных средствах, расходуемых государством на содержание постоянного войска, весьма справедливо заметил: «Да впрочем, оно так и должно быть, ибо до тех пор пока у нас не будет царя-калеки, мы никогда не дождемся перемены во взглядах и привычках наших Государей. Toujours joli garçon, toujours caporal!»[25]

Перехожу теперь к описанию событий закончившихся убийством Павла.

[25] По-прежнему красивый малый, по-прежнему капрал! (*Пер. с франц.*)

Глава III

Переформирование Конной Гвардии. — Кавалергардский Полк. — Зловещие слухи. — Возвращение Конной Гвардии в Петербург. — Собрания у заговорщиков. — Предчувствия Павла. — Расположение Караулов в Михайловском замке. — Последний разговор с Императором. — Он сменяет караул Конной Гвардии. — Ночь с 11 на 12 Марта 1701. — Присяги Конногвардейцев. — Сцена убийства. — Императрица Мария Федоровна. — Прощание с телом Императора. — Первые дни Александра. — Пален и Зубов. — Их высылка из Петербурга

Император Павел находился в Павловске, окруженный интригами и волнуемый попеременно чувствами любви, великодушия и ревности. В том же состоянии переехал он в Гатчину, а затем в Петербург. Многие из его приближенных сознавали, что их положение при дворе чрезвычайно опасно и что в любую минуту, раскаиваясь в только, что совершенном поступке, Государь может перенести свое расположение на новое лицо и уничтожить их всех. Великие Князья также находились в постоянном страхе: оба они были командирами полков и, в качестве таковых, ежедневно, во время парадов и учений, получали выговоры за малейшие ошибки, причем в свою очередь подвергали солдат строгим наказаниям, а офицеров сажали под арест. Конную Гвардию щадили более других. В то время полк этот состоял из двух батальонов, по пять эскадронов в каждом и дух полка (esprit de corps) был таков, что мы были в силах противиться всяким несправедливостям и напрасным на нас нападкам. Этот дух нашего полка постарались представить в глазах Государя, как направление опасное, как дух крамольный, пагубно влияющий на другие полки. Гибель нашего полка могли удовлетворить два частных интереса. Великий Князь Александр был Инспектором всей пехоты — Константина Павловича, который ничего не

смыслил в кавалерийском деле, хотел сделаться Инспектором Кавалерии и, в качестве переходной ступени к этой должности, добивался командования Конной Гвардией. В то же время служивший в Конном Полку Уваров хотел также получить отдельный полк. Таким образом, эти два желания могли быть удовлетворены одновременно, пожертвовав нашим полком. Вот почему Конная Гвардия была реорганизована, или вернее дезорганизована следующим образом: три эскадрона, состоявшие из лучших людей и лошадей, были выделены из полка и составили особый Кавалергардов Полк, который был поручен Уварову и квартировал в Петербурге; остальная часть полка была разделена на пять эскадронов и отдана под начальство Великого Князя Константина. Полк наш был изгнан в Царское Село, где Цесаревич должен был посвящать нас в тайны гарнизонной службы.

Нельзя себе представить тех жестокостей, которым подвергал нас Константин и его Измайловские мирмидоны. Тем не менее, дух полка нелегко было сломить и страх Константина при одном упоминании о военном суде, неоднократно сдерживал его горячность и беспричинную жестокость. Своей неуступчивости и твердости, в это тяжелое время, обязан я тем влиянием в полку, которое я сохранил до конца моей службы в Конной Гвардии, и которое спасло этот благородный полк от всякого участия в низком заговоре, приведшем к убийству Павла.

В Царском Селе нас продержали около полутора года. Начальников ваших постоянно меняли, и нам было известно, что за всеми нами строго следят, так как считали нас якобинцами. Большинству из офицеров не особенно нравился наш образ жизни изгнанников, удаленных из столицы; но я лично не особенно грустил, так как, судя по слухам, доходивших до нас из Петербурга, там было по-видимому не совсем ладно, и поговаривали даже, что Император опасается за свою личную безопасность.

Его Величество со всем Августейшим семейством оставил старый дворец и переехал в Михайловский, выстроенный наподобие укрепленного замка, с подъемными мостами, рвами, потайными лестницами, подземными ходами — словом напоминал собою средневековую крепость à l’abris d'un coup de main[26].

Княгиня Гагарина оставила дом своего мужа и была помещена в новом дворце, под самым кабинетом Императора, который сообщался посредством особой лестницы с ее комнатами, а также с жилищем Кутайсова.

Графы Ростопчин и Аракчеев, два человека, которых Павел раньше считал самыми верными и исполнительными своими слугами, были высланы в свои поместья. До нас дошли слухи, что Граф Пален получил пост Министра Иностранных Дел и Главноуправляющего Почтовым ведомством, сохранив вместе с тем должность Военного Губернатора Петербурга и в качестве такового начальника гарнизона и всей полиции. Мы узнали, что все Зубовы, которые были высланы в свои деревни, вернулись в Петербург, а вместе с ними Г-жа Жеребцова, рожденная Зубова, известная своею связью с Лордом Уитвортом, что все они приняты ко Двору и сделались близкими, интимными друзьями в доме доброго и честного Генерала Обольянинова, Генерал-прокурора Сената. Мы слышали также, что у некоторых генералов — Талызина, двух Ушаковых, Депрерадовича и других — бывают часто интимные сборища, устраиваются de petits soupers fins[27], которые длятся за полночь и что бывший Полковник Хитров, прекрасный и умный человек, но настоящий roué[28], близкий к Константину, также устраивает маленькие «рауты» близ самого Михайловского Дворца.

[26] Защищающую от удара.

[27] Небольшие изысканные ужины.

[28] Плут. (*Пер. с франц.*)

Все эти новости, которые раньше были запрещены, доказывали нам, что в Петербурге происходит что-то необыкновенное, тем более что патрули и «рауты» около Михайловского Дворца постоянно были наготове.

Зимою 1800 года в дипломатических кругах Петербурга царило сильное беспокойство: Император Павел, недовольный поведением Австрии во время Итальянской кампании Суворова 1799 года и образом действий Англии в Голландии, внезапно выступил из Коалиции и, в качестве Гроссмейстера Мальтийского Ордена, объявил Англии войну, которую собирался энергично начать весною 1801 года. В феврале того же года полк наш возвращен из Царскосельский ссылки и помещен в Петербурге в дом Гарновского. Генерал-Майор Кожин, который во время нашей ссылки был назначен в нам в качестве строгого службиста, — переведен в армейский полк, а Генерал-Лейтенант Тормасов — превосходный офицер и достойнейший человек — сделан нашим Полковым Командиром, — милость, которую мы просто не знали чем себе объяснить.

По возвращении в Петербург, я был самым радушным образом принят старыми друзьями и даже самим гр. Паленом, Генералом Талызиным и многими другими, а также Зубовыми и Обольяниновыми. Меня стали приглашать на интимные обеды, причем меня всегда поражало одно обстоятельство: после этих обедов, по вечерам никогда не завязывалось общего разговора, но всегда беседовали отдельными кружками, которые тотчас расходились, когда к ним подходило новое лицо. Я заметил, что Генерал Талызин и другие подошли ко мне, как будто с намерением сообщить мне что-то по секрету, а затем остановились, сделались задумчивыми и замолкли. Вообще, по всему видно было, что в этом обществе затевалось что-то необыкновенное. Судя же по той вольности, с которой Императора порицали, высмеивали его странности и осуждали его строгости, я сразу догадался, что

против него затевается заговор. Подозрения мои особенно усилились после одного обеда у Талызина (за которым нас было четверо), после «petite soirée»[29] у Хитровых и раута у Зубовых. Когда однажды, за обедом у Палена, я нарочно довольно резко выразился об Императоре, Граф посмотрел мне пристально в глаза и сказал: «J-f-qui parle et brave homme qui agit»[30]. Всего этого было достаточно, чтобы рассеять мои сомнения и обстоятельство это глубоко меня расстроило. Я вспомнил свой дом, свою присягу на верность, припомнил многие добрые качества Павла и, в конце концов, почувствовал себя очень несчастным. Между тем все эти догадки не представляли ничего определенного: не было ничего осязательного, на основании чего я мог бы действовать иди даже держаться известного образа действий. В таком состоянии нерешительности я отправился к моему старому другу Тончи[31], который сразу разрешил мое недоумение сказав следующее: «Будь верен своему Государю и действуй твердо и добросовестно; но так как ты с одной стороны не в силах изменить странного поведения Императора, ни удержать, с другой стороны, намерений народа, каковы бы они ни были, то тебе надлежит держаться в разговорах того строгого и благоразумного тона, в силу которого, никто бы не осмелился подойти к тебе с какими бы то ни было секретными предложениями.» Я всеми силами старался следовать этому совету и, благодаря ему, мне удалось остаться в стороне от ужасных событий этой эпохи.

---

[29] Небольшой вечер, вечеринка. (*Пер. с франц.*)

[30] Дурак, кто болтает, молодец, кто действует. (*Пер. с франц.*)

[31] Тончи был родом Неаполитанский дворянин, прибывший в Россию в свите Польского Короля в качестве философа, поэта и художника. Это был чрезвычайно умный и образованный человек. Он любил меня как сына и смотрел, как на своего воспитанника. Я много обязан этому почтенному человеку. *Прим. автора*.

Около этого времени Великая Княгиня Александра Павловна, супруга Эрцгерцога Иосифа, Палатина Венгерская, была при смерти больна, и известие о ее кончине ежечасно ожидалось из Вены. Император Павел был чрезвычайно недоволен Австрией за ее образ действий в Швейцарии, результатом которого было поражение Корсакова под Цюрихом и совершенная неудача знаменитой кампании Суворова в Италии, откуда он отступил на север через Сен-Готард. Англии была объявлена война, на имущества англичан наложено эмбарго и уже делались большие приготовления, дабы в союзе с Францией, начать морскую войну против этой державы с открытием весенней навигации.

Все эти обстоятельства произвели на общество удручающее впечатление. Дипломатический Корпус прекратил свои обычные приемы; значительная часть Петербургских домов, из которых некоторые славились своим широким гостеприимством, изменили свой образ жизни. Самый двор, запертый в Михайловском Замке, охранявшейся наподобие средневековой крепости, также влачил скучное и однообразное существование. Император, поместивший свою любовницу в Замке, уже не выезжал, как он это делал прежде и даже его верховые прогулки ограничивались так называемым третьим летним садом, куда, кроме самого Императора, Императрицы и ближайших лиц свиты, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались от снега для зимних прогулок верхом. Во время одной из этих прогулок, около четырех или пяти дней до смерти Императора (в это время стояла оттепель) Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись к Обершталмейстеру Муханову, ехавшему рядом с Императрицей, сказал сильно взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь, и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю… Разве они хотят задушить меня?» Муханов отвечал: «Государь, это веро-

ятно действие оттепели». Император ничего не ответил, покачал головой, и лицо его сделалось очень задумчивым. Он не проронил ни единого слова до самого возвращения в Замок.

Какое странное предостережение! Какое загадочное предчувствие! Рассказ этот мне сообщил Муханов, в тот же вечер, причем прибавил, что он обедал при дворе и что Император был более задумчив, чем обыкновенно и говорил мало. От Муханова же я узнал, что г-жа Жеребцова в этот вечер простилась с Обольяниновыми и что она едет за границу. Она остановилась в Берлине; впрочем, об этом я еще буду иметь случай сообщить впоследствии.

Теперь я подхожу к чрезвычайно знаменательной эпохе в истории России, эпохе, в событиях которой мне, до известной степени, пришлось быть действующим лицом и живым свидетелем и очевидцем многих обстоятельств, причем некоторые подробности об этих крайне важных событиях я узнал немедленно же и из самых достоверных источников. При описании этих событий мною руководит искреннее желание сказать правду, одну только правду. Тем не менее, я буду просить читателя строго различать то, что я лично видел и слышал, от тех фактов, которые мне были сообщены другими лицами и о которых я, по необходимости, должен упоминать для полноты рассказа.

11 Марта 1801 года, эскадрон, которым я командовал и который носил мое имя, должен был выставить караул в Михайловский Замок. Наш полк имел во дворце внутренний караул, состоявший из 24 рядовых, трех унтер-офицеров и одного трубача. Он находился под командою офицера и был выстроен в комнате, перед кабинетом Императора, спиною к ведущей в него двери. Корнет Андреевский был в этот день дежурным по караулу.

Через две комнаты стоял другой, внутренний караул от Гренадерского батальона Преображенского Полка, любимого

Государева полка, который был ему особенно предан. Этот караул находился под командою Подпоручика Марина и был, по-видимому, с намерением составлен на одну треть из старых Преображенских Гренадеров и на две трети из солдат, включенных в этот полк после раскассирования Лейб-гренадерского Полка, происшедшего по внушению Генерала Графа Карла Ливена[32], человека чрезвычайно строгого и вспыльчивого. Полк этот в течение многих царствований, особенно же при Екатерине, считался одним из самых блестящих храбрых и наилучше дисциплинированных — и солдаты этого полка, вследствие его раскассирования, были весьма дурно расположены к Императору.

Главный караул (the main guard) во дворе. Замка (а также наружные часовые) состоял из роты Семеновского Великого Князя Александра Полка и находился под командою капитана, из Гатчинцев, который, подобно марионетке, исполнял все внешние Формальности службы, не отдавши себе, по-видимому, никакого отчета, для чего они установлены.

В 10 часов утра я вывел свой караул на плац-парад, а между тем, как происходил развод, адъютант нашего полка Ушаков сообщил мне, что по именному приказанию Великого Князя Константина Павловича я сегодня назначен дежурным полковником по полку. Эта было совершенно противно служебным правилам, так как на полковника, эскадрон которого стоит в карауле и который обязан осматривать посты, никогда не возлагается никаких иных обязанностей. Я заметил это

---

[32] Это был старший брат Князя Ливена, бывшего долгое время Послом в Англии. Граф Карл Ливен недолго оставался в военной службе и, удалившись в свои поместья, вскоре, по милости Божьей, сделался смиренным и благочестивым христианином. В конце своей жизни он был сделан Членом Государственного Совета и Президентом Протестантского Синода и состоял председателем некоторых Библейских обществ. *Прим. автора*.

Ушакову несколько раздраженным тоном и уже собирался немедленно пожаловаться Великому Князю, но, к удивление всех, оказалось, что, ни его, ни В. К. Александра Павловича не было на разводе. Ушаков не объяснил мне причин всего этого, хотя, по-видимому, он их знал.

Так как я не имел права не исполнить приказание Великого Князя, то я повел караул во дворец и, напомнив офицеру о всех его обязанностях (ибо я не рассчитывал уже видеть его в течение дня), я вернулся в казармы, чтобы исполнять мою должность дежурного по полку.

В 8 часов вечера, приняв рапорты от дежурных офицеров пяти эскадронов, я отправился в Михайловский Замок, чтобы сдать мой рапорт В. К. Константину, как шефу полка.

Выходя из саней у большого подъезда, я встретил камер-лакея собственных Его Величества апартаментов, который спросил меня, куда я иду. Я хорошо знал этого человека, и думая, что он спрашивает меня из простого любопытства, отвечал, что иду к В. К. Константину.

— Пожалуйста, не ходите, — отвечал он, — ибо я тотчас должен донести об этом Государю.

— Не могу не пойти, — сказал я, — потому, что я дежурный полковник и должен явиться с рапортом к его Высочеству; так и скажите Государю.

Лакей побежал по лестнице на одну сторону Замка, я поднялся на другую.

Когда я вошел в переднюю Константина Павловича, Рутковский, его доверенный камердинер, спросил меня с удивленным видом:

— Зачем вы пришли сюда?

Я ответил, бросая шубу на диван:

— Вы, кажется, все здесь с ума сошли! Я — дежурный Полковник.

Тогда он отпер дверь и сказал:

— Хорошо, войдите.

Я застал Константина в трех-четырех шагах от двери: он имел вид очень взволнованный. Я тотчас отрапортовал ему о состоянии полка. Между тем пока я рапортовал В. Кн. Александр, вышел из двери *с* прокрадываясь как непуганый заяц (like a frightened hare). В эту минуту открылась задняя дверь *д* и вошел Император propria persona[33], в сапогах и шпорах, с шляпой в одной руке и тростью в другой и направился к нашей группе церемониальным шагом, словно на параде.

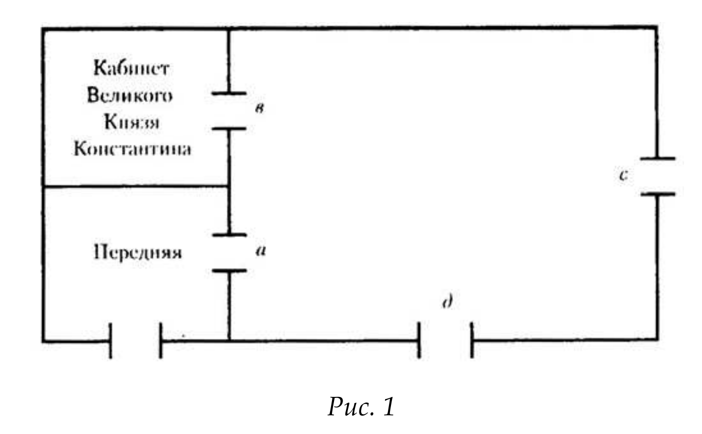

Рис. 1

Александр поспешно убежал в собственный апартамент; Константин стоял пораженный с руками, бьющими по карманам, словно безоружный человек, очутившийся перед медведем. Я же, повернувшись по уставу, на каблуках, отрапортовал императору о состоянии полка. Император сказал: «А, ты дежурный!» очень учтиво кивнул мне головой, повернулся и пошел к двери *д*. Когда он вышел, Александр немного открыл свою дверь и заглянул в комнату. Константин стоял неподвижно. Когда вторая дверь, в ближайшей комнате, громко стукнула, как будто ее с силою захлопнули, доказы-

[33] Собственной персоной. (*Пер. с лат.*)

вая, что Император действительно ушел, Александр, крадучись, снова подошел к нам.

Константин сказал:

— Ну, братец, что скажете вы о моих? — указывая на меня. — Я говорил вам, что он не испугается!

Александр спросил:

— Как? Вы не боитесь Императора?

— Нет, Ваше Высочество, чего же мне бояться? Я дежурный, да еще вне очереди; я исполняю мою обязанность и не боюсь никого, кроме Великого Князя, и то потому, что он мой прямой начальник, точно так же, как мои солдаты не боятся Его Высочества, и боятся одного меня.

— Так вы ничего не знаете? — возразил Александр.

— Ничего, Ваше Высочество, кроме того, что я дежурный не в очереди.

— Я так приказал, — сказал Константин.

— К тому же, — сказал Александр, — мы оба под арестом.

Я засмеялся. Великий Князь сказал:

— Отчего вы смеетесь?

— Оттого, — ответил я, — что вы давно желали этой чести.

— Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Нас обоих водил в церковь Обольянинов присягать в верности.

— Меня нет надобности приводить к присяге, — сказал я, — я верен.

— Хорошо, — сказал Константин, — теперь отправляйтесь домой, и смотрите, будьте осторожны.

Я поклонился и вышел.

В передней, пока камердинер Рутковский подавал мне шубу, Константин Павлович крикнул: «Рутковский, стакан воды». Рутковский налил и я заметил ему, что на поверхности плавает перышко. Рутковский вынул его пальцем и, бросив на пол, сказал: «Сегодня оно плавает, но завтра потонет».

Затем я оставил дворец и отправился домой. Было ровно девять часов и, когда я сел в свое кресло, я, как легко себе представить, предался довольно тревожным размышлением по поводу всего, что я только слышал и видел в связи с предчувствиями, который я имел раньше. Мои размышления, однако же, были непродолжительны. В три четверти десятого мой слуга, Степан, вошел в комнату и ввел ко мне Фельдъегеря. — «Его Величество желает, чтобы вы немедленно явились во дворец». — «Очень хорошо», — отвечал я и велел подать сани.

Получить такое приказание через фельдъегеря считалось в те времена делом нешуточным и плохим предзнаменованием. Я, однако же, не имел дурных предчувствий и, немедленно отправившись к моему караулу, спросил офицера Андреевского, все ли обстоит благополучно? Он ответил, что все совершенно благополучно; что Император и Императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имели вид очень милостивый. Я сказал ему, что за мною послал Государь и что я не приложу ума, зачем бы это было. Андреевский также не мог догадаться, ибо в течение дня все было в порядке.

В шестнадцать минут одиннадцатого часовой крикнул: «Вов!», и караул вышел и выстроился. Император показался из двери *а* в башмаках и чулках, ибо он шел с ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпиц», а следовал за ним Уваров, дежурный Генерал-Адъютант. Собачка подбежала ко мне и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранил ее шляпой, но она опять кинулась ко мне, и Император отогнал ее ударом шляпы, после чего Шпиц сел позади Павла Петровича на задние лапки, не переставая пристально глядеть на меня.

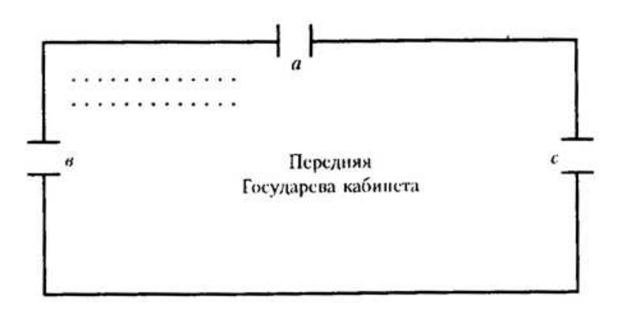

Рис. 2

Император подошел во мне (я стоял шагах в двух от караула) и сказал по-французски: « Vous êtes des Jacobins»[34]. Несколько озадаченный этими словами, я ответил: «Oui, Sire!»[35]. Он возразил: «Pas Vous, mais le régiment»[36]. На это я возразил: «Passe encore pour moi, mais Vous Vous trompez pour le régiment»[37]. Он ответил по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караул!» Я скомандовал: «По отделениям, на право! Марш!» Корнет Андреевский вывел караул через дверь *в* и отправился с ним домой. «Шпиц» не шевелился и все время во все глаза смотрел на меня. Затем Император, продолжая разговор по-русски, повторил, что мы Якобинцы. Я вновь отверг это обвинение. Он снова заметил, что лучше знает и прибавил, что он велел выслать полк из города и расквартировать его по деревням, причем сказал мне весьма милостиво: «А ваш эскадрон будет помещен в Царском Селе; два бригад-майора будут сопровождать полк до седьмой версты; распорядитесь, чтобы он был готов утром в четыре часа, в полной походной форме, и с поклажею». Затем, обращаясь к двум лакеям,

[34] Вы — якобинцы.

[35] Да, мой Государь.

[36] Да не вы, а ваш полк.

[37] Пусть буду я, но относительно полка Вы ошиблись. (*Пер. с франц.*)

одетым в гусарскую форму, но не вооруженным, он сказал: «Вы же два займите этот пост», — указывая на дверь *a*.

Уваров, все это время, за спиною Государя, делал гримасы и усмехался, а верный «Шпиц», бедняжка, все время серьезно смотрел на меня. Император затем поклонился мне особенно милостиво и ушел в свой кабинет через дверь *a*.

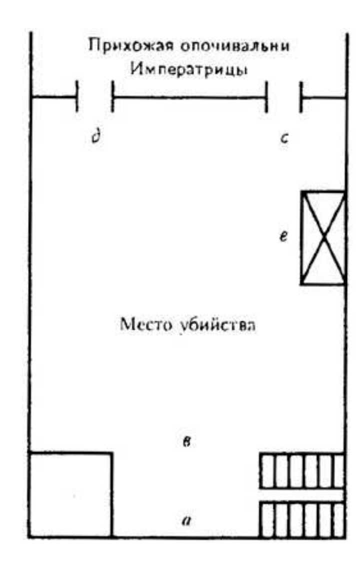

Рис. 3

Тут может быть кстати будет пояснить, как был расположен внутри кабинет Императора.

То была длинная комната, в которую входили через дверь *а* и так как некоторые из стен Замка были достаточно толсты, чтобы вместить в себе внутреннюю лестницу, то в толщине стены, между дверьми *а* и *в*, и была устроена такая лестница, которые вела в апартаменты Княгини Гагариной, а также Гр. Кутайсова. На противоположном конце кабинета была дверь *с*, ведшая в опочивальню Императрицы и рядом с нею камин *д*; на правой стороне стояла походная кровать Императора *е*, над которою всегда висели шпага, шарф и трость

Его Величества. Император всегда спал в кальсонах и в белом полотняном камзоле с рукавами.

Получив, как сказано выше, приказание от Его Величества, я вернулся в полк и передал их генералу Тормасову, который молча покачал головой и велел мне сделать в казармах распоряжение, чтобы все было готово и лошади оседланы к четырем часам. Это было ровно в 11 ч., за час до полуночи. Я вернулся к своему вольтеровскому креслу в глубоком раздумье.

Несколько минут после часу пополуночи, 12 Марта, Степан, мой камердинер, опять вошел в мою комнату с собственным ездовым Великого Князя Константина, который вручил мне собственноручную записку Его Высочества[38], написанную, по-видимому, весьма спешно и взволнованным почерком, в которой значилось следующее:

Собрать тотчас же полк верхом, как можно скорее, с полной амуницией, но без поклажи и ждать моих приказаний.
(подписано) *Константин Цесаревич.*

Потом ездовой на словах прибавил: «Его Высочество приказал мне передать Вам, что дворец окружен войсками и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами».

Я тотчас велел моему камердинеру надеть шубу и шапку и идти за мной. Я довел его и ездового до ворот казармы и поручил последнему доложить Его Высочеству, что приказания его будут исполнены. Камердинера же своего я послал в дом к моему отцу, рассказать все то, что он слышал и велел ему оставаться там, пока сам не приеду.

Я знал то влияние, которое имею на солдат, и что, без моего согласия они не двинутся с места; к тому же я был очевидно обязан ограждать их от ложных слухов. Наша казарма была дом с толстыми стенами, выстроенная в виде

---

[38] Подлинник находится во владении издателя «Frasers Magazine». *Прим. редакции, 1902 г.*

пустого четырехугольника, с двумя только воротами. Так как была еще зима и везде были вставлены двойные окна, то я легко мог сделать из этого здания непроницаемую крепость, заперев наглухо и заколотив гвоздями задние ворота и поставив у передних ворот парных часовых со строгим приказанием никого не впускать. Я поступил так потому, что не был вполне уверен в образе мыслей Генерала Тормасова при данных обстоятельствах; вот почему я распорядился поставить у дверей его квартиры часового, строго приказав ему никого не пропускать.

Затем я отправился в конюшни, велел созвать солдат и немедленно седлать лошадей. Так как дело было зимою, то мы были принуждены зажечь свечи, яркий свет которых тотчас разбудил весь полк. Некоторые из полковников упрекнули меня в том, что я так «чертовски спешу», когда до четырех часов еще времени достаточно. Я не отвечал, но так как, зная меня, они рассудили, что я не стоял бы действовать таким образом без уважительных причин, то все они последовали моему примеру, каждый в своем эскадроне. Тем не менее, когда я приказал заряжать карабины и пистолеты боевыми патронами, все они возражали и у нас вышел маленький спор; но так как я лично получил приказание от Его Высочества, они пришли к убеждению, что я должно быть прав и поступили также как и я.

Между тремя и четырьмя часами утра меня вызвали к передовому караулу у ворот. Тут я увидел Ушакова, нашего полкового адъютанта.

— Откуда вы? Вы не ночевали в казарме? — спросил и его.

— Я из Михайловского Замка.

— А что там делается?

— Император Павел умер и Александр провозглашен Императором.

— Молчите! — отвечал я и тотчас повел его к Генералу, отпустив поставленный мною караул.

Мы вошли в гостиную, которая была рядом со спальнею. Я довольно громко крикнул:

— Генерал, Генерал, Александр Петрович!

Жена его проснулась и спросила:

— Кто там?

— Полковник Саблуков, сударыня.

— А, хорошо, — и она разбудила своего мужа. Его Превосходительство надел халат и туфли и вышел в ночном колпаке, протирая себе глаза, еще полусонный.

— В чем дело? — спросил он.

— Вот, Ваше Превосходительство, адъютант, он только что из дворца и все вам скажет…

— Что же, сударь, случилось?— обратился он к Ушакову.

— Его Величество Государь Император скончался: он умер от удара…

— Что такое, сударь? Как смеете вы это говорить! — воскликнул Генерал.

— Он действительно умер, — сказал Ушаков. — Великий Князь вступил на престол, и Военный Губернатор передал мне приказ, чтобы Ваше Превосходительство немедленно привели полк к присяге Императору Александру».

Он сказал нам тоже, что Михайловский Замок окружен войсками и что Александр, с женою Елизаветой, переехал в Зимний Дворец под прикрытием Кавалергардов, которыми предводительствовал сам Уваров.

Убедившись в справедливости сообщенного известия, Генерал Тормасов сказал мне по-французски: «Eh bien, mon cher Colonel, faites sortir le régiment, préparez le prêtre et l'Evangile et réglez tout cela. Je m'habillerai et je descendrai tout de suite»[39].

---

[39] Итак, дорогой полковник, выводите полк, подготовьте священника и Евангелие и все устройте. Я оденусь и тотчас же спущусь. (*Пер. с франц.*)

Ушаков, в заключение, прибавил, что Генерал Беннигсен был оставлен комендантом Михайловского Замка.

12 Марта между четырьмя и пятью часами утра, когда только что начинало светать, весь полк был выстроен, в пешем строго, на дворе казарм. Отец Иван, нам полковой священник, вынес крест и Евангелие на аналоге и поставил его перед полком. Генерал Тормасов громко объявил о том, что случилось: что Император Павел скончался от апоплексического удара и что Александр I вступил на престол. Затем он велел приступить к присяге. Речь эта произвела мало впечатление на солдат: они не ответили на нее криками «ура!» как он того ожидал. Он затем пожелал, чтобы я, в качестве дежурного полковника, поговорил с солдатами. Я начал с Лейб-эскадрона, в котором я служил столько лет, что знал в лицо каждого рядового. На правом фланге стоял рядовой Григорий Иванов, примерный солдат, статный и высокого роста. Я сказал ему:

— Ты слышал, что случилось?

— Точно так.

— Присягнете вы теперь Александру?

— Ваше Высокоблагородие? — ответил он, — видели ли вы Императора Павла действительно мертвым?

— Нет, — ответил я.

— Не чудно ли было бы, — сказал Григорий Иванов, — если бы мы присягнули Александру, пока Павел еще жив?

— Конечно, — ответил я.

Тут Тормасов шепотом сказал мне по-французски:

— Cela est mal, arrangez cela[40].

Тогда я обратился к нему и громко, по-русски, сказал ему: — «Позвольте мне заметить Ваше Превосходительство, что мы приступаем к присяге не по уставу: присяга никогда не приносится без штандартов» — тут я шепнул ему по-

[40] Это плохо, уладьте это.

французски, чтобы он приказал мне послать за ними. Генерал сказал громко:

— Вы совершенно правы, Полковник, пошлите за штандартами.

Я скомандовал первому взводу сесть на лошадей и велел взводному командиру, Корнету Филатьеву, непременно показать солдатам Императора Павла, живого или мертвого.

Когда они прибыли во дворец, Генерал Беннигсен, в качестве Коменданта дворца, велел им принять штандарты, но Корнет Филатьев заметил ему, что необходимо прежде показать солдатам покойника. Тогда Беннигсен воскликнул: — «Mais c'est impossible, il est abimé, fracassé, on est actuellement à le peindre et à l'arranger!»[41]

Филатьев ответил, что если солдаты не увидят Павла мертвым, — полк отказывается присягнуть новому Государю. — «Ah, ma foi!» — сказал старик Беннигсен — «s'ils lui sont si attachés, ils n'ont qu'à le voir»[42]. Два ряда были впущены и видели тело Императора.

По прибытии штандартов им были отданы обычные почести с соблюдением необходимого этикета. Их передали в соответствующие эскадроны, и я приступил к присяге. Прежде всего, я обратился к Григорию Иванову:

— Что же, братец, видел ты Государя? Действительно он умер?

— Так точно, Ваше Высокопревосходие, крепко умер!

— Присягнешь ли ты теперь Александру?

— Точно так…хотя лучше покойного ему не быть… А впрочем все одно: кто ни поп тот и батька.

---

[41] Но это невозможно, он очень плохо выглядит, весь разбит и сейчас его должны подгримировать и привести в порядок. (*Пер. с франц.*)

[42] Право, если они к нему так привязаны, они должны его увидеть. (*Пер. с франц.*)

Так окончился обряд (присяги), который, по смыслу своему, долженствовал быть священным таинством; впрочем, он всегда и был таковым…для солдат.

Теперь я буду продолжать свое повествование уже со слов других лиц, но на основании данных самых достоверных и ближайших к тому времени, когда совершилась эта ужасная катастрофа.

Вечером 11 Марта заговорщики разделилась на небольшие кружки. Ужинали у Полковника Хитрова, у двух Генералов Ушаковых, у Депрерадовича (Семеновского Полка) и у некоторых других. Поздно вечером все соединились вместе за одним общим ужином, на котором присутствовали: Генерал Беннигсен и Граф Пален. Было выпито много вина и многие выпили более, чем следует. В конце ужина, как говорят, Пален будто бы, сказал: — «Rappelez-vous, Messieurs, que pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les œufs»[43].

Говорят, что за этим ужином Лейб-гвардии Измайловского полка Полковник Бибинов, прекрасный офицер, находившийся в родстве со всей знатью, будто бы, высказал, вовсеуслышание, мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла; что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу. Как ни возмутительно подобное предложение, достойно внимания то, что оно было вторично высказано в 1825 году, во время последнего заговора, сопровождавшего вступление на престол Императора Николая Первого.

Около полуночи большинство полков, принимавших участие в заговоре, двинулись к дворцу. Впереди шли Семеновцы, которые и заняли внутренние коридоры и проходы замка.

Заговорщики встали с ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигнал к вторжению во

---

[43] Помните, господа, для того чтобы съесть омлет, нужно прежде разбить яйца. (*Пер. с франц.*)

внутренние апартаменты дворца и в самый кабинет Императора должен был подать Арчамаков, адъютант гренадерского батальона Преображенского полка, обязанность которого заключалась в том, чтобы докладывать Императору о пожарах, происходящих в городе. Арчамаков вбежал в переднюю Государева кабинета, где недавно еще стоял караул от моего эскадрона и закричал: «пожар!»

В это время заговорщики, числом до 180 -человек, бросились в дверь *а* (см. рис. 3). Тогда Марин, командовавший внутренним пехотным караулом, удалил верных гренадер Преображенского Лейб-батальона, расставив их часовыми, а тех из них, которые прежде служили в Лейб-Гренадерском полку, поместил к передней Государева кабинета, сохранив, таким образом, этот важный пост в руках заговорщиков.

Два камер-гусара, стоявшие у двери *а*, храбро защищали свой пост, но один из них был заколот, а другой ранен. Найдя первую дверь (*а*), ведшую в спальню, незапертою, заговорщики сначала подумали, что Император скрылся по внутренней лестнице (и это ему легко бы удалось), как это сделал Кутайсов. Но когда они подошли ко второй двери (*в*), то нашли ее запертой изнутри, что доказывало, что Император, несомненно, находился в спальне.

Взломав дверь (*в*), заговорщики бросились в комнату, но Императора в ней не оказалось. Начались поиски, но безуспешно, несмотря на то, что дверь *с*, ведшая в опочивальню Императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались несколько минут, когда вошел Генерал Беннигсен, высокого роста, флегматичный человек; он подошел к камину (*д*), прислонился к нему и в это время увидел Императора, спрятавшегося за экраном. Указав на него пальцем, Беннигсен сказал по-французски «le voilà!»[44], после чего Павла тотчас вытащили из его прикрытия.

---

[44] Вот он. (*Пер. с франц.*)

Князь Платон Зубов, действовавший в качестве оратора и главного руководителя заговора, обратился к Императору с речью. Отличавшийся обыкновенно большою нервностью, Павел, на этот раз, однако не казался особенно взволнованным и, сохраняя полное достоинство, спросил, что им всем здесь нужно?

Платон Зубов отвечал, что деспотизм его сделался настолько тяжелым для нации, что они пришли требовать его отречение от престола.

Император, — преисполненный искреннего желания доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановления Империи и водворить повсюду правосудие, — вступил с Зубовым в спор, который длился около получаса и который, в конце концов, принял бурный характер. В это время те из заговорщиков, которые слишком много выпили шампанского, стали выражать нетерпение, тогда как Император, в свою очередь, поговорил все громче и сильно начал жестикулировать. В это время Шталмейстер, Граф Николай Зубов человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершено пьян, ударил Павла по руке и сказал: «Что ты так кричишь?»

При этом оскорблении Император с негодованием оттолкнул левую руку Зубова, на что последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаху нанес правою рукою удар в левый висок Императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол. В ту же минуту француз — камердинер Зубова вскочил с ногами на живот Императора, а Скарятин, офицер Измайловского полка, сняв висевший над кроватью собственный шарф Императора, задушил его им. Таким образом, его прикончили.

На основании другой версии, Зубов, будучи сильно пьян, будто бы запустил пальцы в табакерку, которую Павел держал в руках. Тогда Император первый ударил Зубова и та-

ким образом сам начал ссору. Зубов, будто бы выхватил табакерку из рук Императора и сильным ударом сшиб его с ног. Но это едва ли правдоподобно, если принять во внимание, что Павел выскочил прямо из кровати и хотел скрыться. Как бы то ни было, во всяком случае, несомненно, что табакерка играла в этом событии известную роль.

Итак, произнесенные Паленом за ужином слова «qu'il faut commencer par casser les œufs»[45] не были забыты и, увы, приведены в исполнение.

Называли имена некоторых лиц, которые выказали при этом случае много жестокости, даже зверства, желая выместить, полученные от Императора оскорбления, на безжизненном его теле, так что докторам и гримёрам было нелегко привести тело в такой вид, чтобы можно было выставить его для поклонения, согласно существующим обычаям. Я видел покойного Императора, лежащего в гробу[46]. На лице его, не смотря на старательную гримировку, видны были черные и синие пятна. Его треугольная шляпа была так надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть левый глаз и висок, который был зашиблен.

Так умер 12 Марта 1801 года один из Государей, о котором история говорит, что он был преисполнен многих добродетелей, отличался неутомимой деятельностью, любил порядок и справедливость, был добр и искренно набожен. В день своей коронации он опубликовал акт, устанавливающий порядок престолонаследия в России. Земледелие, промышленность, торговля, искусства и науки имели в нем надежного покровителя. Для насаждения образования и воспитания он основал в

---

[45] Что нужно прежде разбить яйца. (*Пер. с франц.*)

[46] Говорят (изд. достов. источника) что, когда дипломатический корпус был допущен к телу, Французский Посол, проходя, нагнулся над гробом и, задев рукою за галстук Императора, обнаружил красный след вокруг шеи, сделанный шарфом. *Прим. автора*.

Дерпте университет, в Петербурге училище для военных сирот (Павловский Корпус). Для женщин: Институт Ордена Св. Екатерины и учреждение ведомства Императрицы Марии.

Отвратительно упоминать об именах убийц, отличавшихся своим зверством во время этой катастрофы. Я могу только присовокупить, что большинство из них я знал до момента их кончины, которая у многих представляла ужасную нравственную агонию, в связи с самыми жестокими телесными муками.

Да будет благословенна благодетельная десница Провидение, сохранившая меня от всякого соучастия в этом страшном злодеянии!

Возвращаюсь теперь к трагическим происшествиям 12-го Марта 1801 года.

Как только Обершталмейстер Сергей Ильич Муханов, состоявший при особе Императрицы Марии Федоровны, узнал о том, что случилось, он поспешно разбудил Графиню Ливен, старшую статс-даму и воспитательницу Августейших детей, ближайшего и доверенного друга Императрицы, особу большего ума и твердого характера, одаренную почти мужскою энергиею.

Графиня Ливен отправилась в опочивальню Ее Величества. Было два часа пополуночи. Государыня вздрогнула и спросила:

— Кто там?

— Это я, Ваше Величество!..

— О, — сказала Императрица, — я уверена, что Александра[47] умерла.

— Нет, Государыня, не она…

---

[47] Великая Княгиня Александра Павловна, супруга Эрцгерцога Иосифа, Палатина Венгерская.

— О! Так это Император!..

При этих словах Императрица стремительно поднялась с постели, и как была, без башмаков и чулков, бросилась к двери, ведущей в кабинет Императора, служивший ему и спальнею. Графиня Ливен имела только время набросить салоп на плечи Ее Величества.

Между спальнями Императора и Императрицы была комната с особым входом и внутреннею лестницею. Сюда введен был пикет Семеновцев, чтобы не допускать никого в кабинет Императора с этой стороны. Этот пикет находился под командою моего двоюродного брата, Капитана Александра Волкова, офицера лично известного Императрице и пользовавшегося особым ее покровительством.

В ужасном волнении, с распущенными волосами и в описанном уже костюме, Императрица вбежала в эту комнату с криком: «пустите меня! пустите меня!» Гренадеры скрестили штыки.

Со слезами на глазах она обратилась тогда к Волкову и просила пропустить ее. Он отвечал, что не имеет права. Тогда она опустилась на пол и, обнимая колена часовых, умоляла пропустить ее. Грубые солдаты рыдали, при виде ее горя, но с твердостью исполнили приказ. Тогда Императрица встала с достоинством и твердою походкой вернулась в свою спальню. Бледная и неподвижная как мраморная статуя она опустилась в кресло и в таком состоянии ее одели.

Муханов, ее верный друг, был первым мужчиною, которого она допустила в свое присутствие и с этой минуты, он постоянно был при ней до самой смерти[48].

---

[48] Как воспоминание об услугах, оказанных Мухановым в эту эпоху, Государыня Мария Федоровна подарила ему свой портрет в траурном платье, прекрасную картину, находящуюся в настоящее время в семье Мухановых. *Прим. автора*.

Рано утром (12 Марта) из Зимнего Дворца явился посланный, если я не ошибаюсь, это был сам Уваров. Именем Императора и Императрицы он умолял вдовствующую Государыню переехать к ним.

— Скажите моему сыну, — отвечала Императрица, — что до тех пор, пока я не увижу моего мужа мертвым, собственными глазами, я не признаю Александра своим Государем.

Необходимо теперь заметить, что Пален не терял из виду Александра, который был молод и робок. Пален, не пошел вместе с заговорщиками, но остался на нижнем этаже, вместе с Александром, который, как известно, находился под арестом, равно как и Константин, в той комнате, где я их видел. На этом основании злые языки впоследствии говорили, что если бы Павел спасся (как это и могло случиться), Граф Пален, вероятно, арестовал бы Александра и изменил бы весь ход дела. Одно не подлежит сомнению — это то, что Пален очень хладнокровно все предусмотрел и принял возможные меры к тому, чтобы избежать всяких случайностей. Павел, сильно взволнованный в последние дни, высказал Палену желание послать нарочного за Аракчеевым. Нарочный был послан и Аракчеев прибыл в Петербург вечером, в самый день убийства, но его не пропустили через заставу.

Генерал Кологривов, который командовал Гусарами и был верный и преданный слуга Императора, в этот вечер был у себя дома и играл в вист с Генерал-Майором Кутузовым, который служил под его начальством. Ровно в половины первого той ночи Кутузов вынул свои часы и заявил Кологривову, что он арестован и что ему приказано наблюдать за ним. Вероятно, Кутузов принял необходимые меры на случай сопротивления со стороны хозяина дома.

Майор Горголи, бывший Плац-майор, очень малый молодой человек, получил приказание арестовать Графа Кутайсова и актрису Шевалье, с которой был в связи и у которой он часто ночевал в доме. Так как его не нашли во дворце, то ду-

мали, что он у нее. Пронырливый Фигаро однако скрылся по потайной лестнице в, забыв о своем господине, которому всем был обязан, он выбежал без башмаков и чулков, в одном халате и колпаке, и в таком виде бежал по городу пока не нашел себе убежища в доме Степана Сергеевича Ланского, который, как человек благородный, не выдал его, пока не миновала всякая опасность. Что касается актрисы Шевалье, то, как говорят, она приложила все старания, чтобы показаться особенно обворожительной, но Горголи по-видимому не отдал дань ее прелестям, так что она отделалась одним страхом.

Можно было думать, что, получив упомянутый ответ от своей матери, которую он любил столь же нежно, как и был любим ей, Александр немедленно придет броситься в ее объятия. Но тогда он должен был бы разрешить ей взглянуть на тело ее убитого мужа, а этого, увы, нельзя было дозволить; нельзя было допустить Императрицу к телу, в том его виде, в каком его застали солдаты Конной Гвардии. Уборка тела, гримировка, бальзамирование и облачение в мундир длились более 30-ти часов и только на другой день после смерти, поздно вечером, Павла показали убитой горем Императрице.

Следующий же день после ужасных событий 11 Марта наглядно показал все легкомыслие и пустоту столичной, придворной и военной публики того времени. Одною из главных жестокостей, в которых обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодных костюмов, причесок, экипажей и т. п. мелочей. Как только известие о кончине Императора распространилось в городе, немедленно же появились прически à la Titus[49], исчезли косы, обрезались букли и панталоны; круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись в новые костюмы, и экипажи, имевшие вид

[49] На манер Тита.

старых немецких или французских attelages[50], исчезли, уступив место русской упряжи, с кучерами в национальной одежде и с форейтерами (что было строго запрещено Павлом), которые с обычной быстротою и криками понеслись по улицам. Это движение, вдруг сообщенное всем жителям столицы, внезапно освобожденным от строгостей полицейских постановлений и уличных правил, действительно заставило всех ощущать, что с рук их, словно по волшебству, свалились цепи и что нация, как бы находившаяся в гробу, снова вызвана к жизни и движению.

Утром (12 Марта) в 10 часов мы все были на параде, во время которого вся прежняя рутина была соблюдена. Граф Пален держал себя, как и всегда. Так как я стоял от него в стороне, то он подошел ко мне и сказал:

— Je Vous ai craint plus que toute la garnison[51].

— Et Vous avez eu raison[52], — отвечал я.

— Aussi, — возразил Пален, — j'ai eu soin de Vous faire renvoyer[53].

Эти слова убедили меня в справедливости рассказа, что бы Император получил анонимное письмо с указанием имен всех заговорщиков, во главе которых стояло имя самого Палена; что на вопрос Императора Пален не отрицал этого Факта, но напротив сказал, что раз он, в качестве Военного-Губернатора города находится во главе заговора, то Его Величество может быть уверен, что все в порядке. Затем Император благодарил Палена и спросил его, не признает ли он, с своей стороны, нужным, посоветовать ему что-нибудь для его безопасности, на что тот отвечал, что ничего больше не требуется: — «Разве только Ваше Величество удалите вот этих

---

[50] Упряжек. (*Пер. с франц.*)

[51] Я вас боялся больше, чем целого гарнизона.

[52] И вы были правы.

[53] Поэтому я и постарался вас отослать из дворца. (*Пер. с франц.*)

Якобинцев» — (причём он указал на дверь, за которой стоял караул от Конной Гвардии) — «да прикажете заколотить эту дверь» (ведущую в спальню Императрицы). Оба эти совета, злополучный Монарх не преминул исполнить. Как известно, на свою собственную погибель.

Во время парада заговорщики держали себя чрезвычайно заносчиво и как бы гордились совершенным преступлением. Князь Платон Зубов также появился на параде, имея далеко не воинственный вид со своими улыбочками и остротами, за что он был особенно отличен при дворе Екатерины и о чем я не мог вспоминать без отвращения.

Офицеры нашего полка держались в стороне и с таким презрением относились к заговорщикам, что произошло несколько столкновений, окончившихся дуэлями. Это дало Графу Палену мысль устроить официальный обед с целью примирения разных партий.

В конце парада мы узнали, что заключен мир с Англией и что курьер с трактатом уже отправлен в Лондон к Графу Воронцову. Он должен был ехать через Берлин, где Граф получил известие о кончине Императора и о мирном договоре с Англией.

Крайне любопытно то, что Г-жа Жеребцова предсказала печальное событие 11 Марта в Берлине и, как только она узнала о совершившемся факте, то отправилась в Англию и навестила своего старого друга Лорда Витворта, бывшего в течение многих лет Английским Послом в Петербурге. Обстоятельство это впоследствии послужило поводом к распространению слуха будто-бы катастрофа, закончившаяся смертью Павла, была делом рук Англии и английского золота. Но это обвинение, несомненно, ложно, ибо, не смотря на всю преступность руководителей заговора, последние были чужды корыстных целей. Они действовали из побуждений патриотических и многие из них, подобно обоим Великим Князьям, были убеждены в том, что, при помощи угроз,

Императора можно было заставить отречься от престола, или, по крайней мере, принудить подписать акт, благодаря которому его деспотизм был бы ограничен. Говорили, что Князь Зубов, в эту ночь, в кабинете Императора, держал в руке сверток бумаги, на котором будто-бы написан был текст соглашения между Монархом и народом. Тем не менее, этот спор между Государем и заговорщиками, длившийся довольно долго, не привел к желаемым результатам и вскоре вспыльчивость, и раздражительность Павла возбудила заговорщиков, большинство которых были почти совсем пьяны, вследствие чего и произошла вышеописанная катастрофа.

Что касается Александра и Константина, то большинство лиц, близко стоявших к ним в это время, утверждали, что оба Великих Князя, получив известие о смерти отца, были страшно потрясены, не смотря на то, что сначала им сказали, что Император скончался от удара, причиненного ему волнением, вызванным предложениями, которые ему сделали заговорщики.

На следующий день, 13-го Марта, мы снова явились в обычный час на парад. Александр и Константин появились оба и имели удрученный вид.

Некоторые из главарей заговора и главных действующих лиц в убийстве выглядывали несколько смущенно. Один Граф Пален держал себя как обыкновенно; Князь Зубов был более шутлив и разговорчив, чем накануне.

Тело покойного Императора, загримированное различными художниками, облаченное в мундир, высокие сапоги со шпорами и в шляпе, надвинутой на голову (чтобы скрыть правой висок) — было положено в гроб, в котором он должен был быть выставлен перед народом, согласно обычаю. Но еще до всего этого убитая горем вдова его должна была увидеть его мертвым, без чего она не соглашалась признать своего сына Императором.

Избежать этого было невозможно, и роковое посещение должно было произойти. Подробности этой ужасной сцены были мне сообщены в тот же вечер С. И. Мухановым по возвращении его из дворца и нет слов, чтобы достаточно выразить скорбь, в которую был погружен этот достойный человек. Насколько помню вот, что он сообщил мне.

Императрица находилась в своей спальне, бледная, холодная, наподобие мраморной статуи, точно такою же, как она была в самый день катастрофы. Александр и Елизавета прибыли из Зимнего Дворца в сопровождении Графини Ливен и Муханова. Я не знаю, был ли тут и Константин, но кажется что его не было, а все младшие дети были с своими нянями. Опираясь на руку Муханова, Императрица направилась к роковой комнате, причем за нею следовал Александр с Елизаветой, а Графиня Ливен несла за нею шлейф. Приблизившись к телу, Императрица остановилась в глубоком молчании, устремила свой взор на покойного супруга и не проронила при этом ни единой слезы.

Александр Павлович, который теперь сам впервые увидал изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, был поражен и стоял в немом оцепенении. Тогда Императрица-мать обернулась к сыну и, с выражением глубокого горя и видом поднято достоинства, сказала: «Теперь Вас поздравляю — Вы Император». При этих словах, Александр как сноп свалился без чувств, так что присутствующие на минуту подумали, что он мертв.

Императрица взглянула на сына без всякого волнения, взяла снова под руку Муханова и, поддерживаемая им и Графиней Ливен, удалилась в свои апартаменты. Прошло еще несколько минут, пока Александр пришел в себя, после чего он немедленно последовал за своей матерью и тут, среди новых потоков слез, мать и сын излили впервые свое горе.

Вечером того же дня Императрица снова вошла в комнату покойного, причем ее сопровождали только Графиня Ливен

и Муханов. Там, распростершись над телом убитого мужа, она лежала в горьких рыданиях, пока едва не лишилась чувств, не взирая на необыкновенную телесную крепость и нравственное мужество. Ее два верных спутника увели ее, наконец, или вернее унесли ее обратно в ее апартаменты. В следующие дни снова повторились подобные же посещения покойника, причем приезжал и Император. После этого убитую горем, вдовствующую Императрицу перевезли в Зимний Дворец, а тело покойного Императора со всей торжественностью было выставлено для народа.

Русский народ, по самой своей природе, глубоко предан своим Государям, и эта любовь простолюдина к своему царю столь же врожденная, как любовь пчел к своей матке. В этой, истине убедился Декабрист Муравьев, когда во время возмущения 1825 года он объявил солдатам, что Император более не царствует, что учреждена республика и установлено вообще полное равенство. Тогда солдаты спросили:

— Кто же тогда будет государем?

Муравьев отвечал:

— Да никто не будет.

— Батюшка, — отвечали солдаты, — да ведь ты сам знаешь, что это никак невозможно.

Впоследствии Муравьев сам признался, что в эту минуту, он понял всю ошибочность своих действий. В 1812 году Наполеон впал в ту же ошибку в Москве и заплатил за это достаточно дорого, потеряв всю свою армию.

Приверженность русского человека к своему государю особенно ярко высказывается во время поклонения народа праху умершего царя. В начале моего повествования я уже говорил о тех трогательных сценах, которые происходили после кончины Екатерины, к праху которой были свободно допущены люди всех сословий «для поклонения телу и прощания». В настоящем случае запрещено было останавливать-

ся у тела Императора, но приказано лишь поклониться и тотчас уходить в сторону. Несомненно, что раскрашенное и намазанное лицо Императора с надвинутой на глаза шляпой (что тоже не было никогда в обычае) не скрылось от внимания толпы и настроило общественное мнение чрезвычайно враждебно по отношению к заговорщикам.

Желая расположить общественное мнение в свою пользу, Пален, Зубов, и другие вожаки заговора решили устроить большой обед, в котором должны были принять участие несколько сот человек. Полковник N. N… один из моих товарищей по полку, зашел ко мне однажды утром, чтобы спросить, знаю ли я что-нибудь о предполагаемом обеде. Я отвечал, что ничего не знаю.

— В таком случае, — сказал он, — я должен сообщить Вам, что Вы внесены в список приглашенных. Пойдете ли Вы туда?

Я отвечал, что конечно не пойду, ибо не намерен праздновать убийство.

— В таком случае, — отвечал N. N, — никто из наших также не пойдет.

С этими словами он вышел из комнаты.

В тот же день Гр. Пален пригласил меня к себе, и едва я вошел в комнату, он сказал мне:

— Почему Вы отказываетесь принять участие в обеде?

— Parceque je n’ai rien commun avec ces messieurs[54], — отвечал я.

Тогда Пален с особенным одушевлением, но без всякого гнева сказал:

— Вы не правы, Саблуков, дело уже сделано и долг всякого доброго патриота — забыть все партийные разборы,

---

[54] Потому что у меня нет ничего общего с этими господами. (*Пер. с франц.*)

думать только о благе родины и соединиться вместе для служения отечеству. Вы также хорошо как я знаете, какие раздоры посеяло это событие: неужели же позволить им усиливаться? Мысль об обеде принадлежит мне, и я надеюсь, что он успокоит многих и умиротворит умы. Но если Вы теперь откажетесь прийти, остальные Полковники Вашего полка тоже не придут и обед этот произведет впечатление прямо противоположное моим намерениям. Прошу Вас, поэтому принять приглашение и быть на обеде.

Я обещал Палену исполнить его желание.

Я явился на этот обед и другие Полковники тоже, но мы сидели отдельно от других и, сказать правду, я заметил весьма мало единодушия не смотря на то, что выпито было немало шампанского. Много сановных и высокопоставленных лиц, а также придворных особ посетили эту «оргию», ибо другого названия нельзя дать этому обеду. Перед тем, чтобы встать со стола, главнейшие из заговорщиков взяли скатерть за четыре угла, все блюда, бутылки и стаканы были брошены в середину, и все это с большою торжественностью было выброшено через окно на улицу. После обеда произошло несколько резких объяснений и, между прочим, разговор между Уваровым и Адмиралом Чичаговым, о котором я упомянул выше.

В течение некоторого времени все, по-видимому, было спокойно и ни о каких реформах или переменах не было слышно. Мы только заметили, что Пален и Платон Зубов особенно высоко подняли голову и даже поговаривали, будто последний имел смелость высказать особенное внимание к молодой и прелестной Императрице. Император Александр и Великий Князь Константин Павлович ежедневно появлялись на параде, причем первый казался более робким и сдержанным чем обыкновенно, а второй, напротив, не испытывая более страха перед отцом, горячился и шумел более чем прежде.

Не смотря на это Константин, при всей своей вспыльчивости, не был лишен чувства горечи и при мысли о катастрофе. Однажды утром, спустя несколько дней после ужасного события, мне пришлось быть у Его Высочества по делам службы. Он пригласил меня в кабинет и, заперев за собою дверь, сказал:

— Ну, Саблуков, хорошая была каша в тот день!

— Действительно, В. В., хорошая каша, — ответил я, — и я очень счастлив, что я в ней был ни при чем.

— Вот что, друг мой, — сказал торжественным тоном Великий Князь, — скажу тебе одно, что после того, что случилось, брат мой может царствовать, если это ему нравится; но если бы престол когда-нибудь должен был перейти ко мне, я, несомненно бы от него отказался.

Своим последующим поведением в 1825 году, во время вступления на престол Николая I, Константин Павлович доказал, что решение его не царствовать было твердо и в то время я всегда говорил, что все убеждения, имеющие целью склонить его принять корону, не поведут ни к чему, и что он ни за что не согласится царствовать, как он это высказал мне спустя несколько дней после смерти отца.

Публика, особенно же низшие классы и в числе их старообрядцы и раскольники, пользовались всяким случаем, чтобы выразить свое сочувствие удрученной горем вдовствующей Императрице. Раскольники были особенно признательны Императору Павлу как своему благодетелю, даровавшему им право публично отправлять свое богослужение и разрешившему им иметь свои церкви и общины. Как выражение сочувствия, образа с соответствующими надписями из священного писания в огромном количестве присылались Императрице со всех концов России. Император Александр, постоянно навешавший свою горюющую мать по нескольку раз в день, проходя однажды утром через

переднюю, увидел в этой комнате множество образов, поставленных в ряд. На вопрос Александра, что это за иконы и почему они тут расставлены, Императрица отвечала, что все это приношения, весьма для нее драгоценные, потому что они выражают сочувствие и участие народа в ее горе; при этом Ее Величество присовокупила, что она уже просила Александра Александровича (моего отца, Члена Опекунского Совета) взять их и поместить в церковь Воспитательного Дома. Это желание Императрицы и было немедленно исполнено моим отцом.

Однажды утром, во время обычного доклада Государю, Пален был чрезвычайно взволнован и с нескрываемым раздражением стал жаловаться Его Величеству, что Императрица-мать возбуждает народ против него и других участников заговора, выставляя напоказ в Воспитательном Доме иконы с надписями вызывающего характера. Государь, желая узнать, в чем дело, велел послать за моим отцом. Злополучные иконы были привезены во Дворец и, вызывающая надпись оказалась текстом из Священного Писания, взятым, насколько помню, из Книги Царств[55].

Императрица-мать была крайне возмущена этим поступком Палена, позволившим себе обвинять мать в глазах сына, и заявила свое неудовольствие Александру. Император со своей стороны высказал это Графу Палену в таком твердом и решительном тоне, что последний не знал, что отвечать от удивления.

На следующем параде Пален имел чрезвычайно недовольный вид и говорил в крайне резком, несдержанном тоне. Впоследствии даже рассказывали, что он делал довольно неосторожные намёки на свою власть и на возможность «возво-

[55] Вероятно место IX Главы, Второй Книги царств: «Благополучно ли заморил убийца Государя своего?». *Прим. редакции, 1902 г.*

дить и низводить монархов с престола». Трудно допустить, чтобы такой человек, как Пален, мог высказать такую бестактную неосторожность, тем не менее, в тот же вечер об этом уже говорили в обществе.

Как бы то ни было, достоверно только то, что, когда на другой день, в обычный час, Пален приехал на парад в так называемом «vis-a-vis», запряженном шестеркой цугом, я собирался выходить из экипажа, к нему подошел Флигель-Адъютант Государя и по Высочайшему повелению предложил ему выехать из города и удалиться в свое Курляндское имение.

Пален повиновался, не ответив ни единого слова.

В Высочайшем приказе было объявлено, что «Генерал-от-Кавалерии Граф Пален увольняется от службы» и в тот же день вечером князю Зубову также предложено оставить Петербург и удалиться в свои поместья. Последний тоже беспрекословно повиновался.

Таким образом, в силу одного слова юного и робкого монарха сошли со сцены эти два человека, которые возвели его на престол, питая, по-видимому, надежду царствовать вместе с ним. В управлении государством все шло по-прежнему, с тою только разницей, что во всех случаях, когда могла быть применена политика Екатерины II-ой, на нее ссылались как на прецедент.

Весною того же года, вскоре после Пасхи, Императрица-мать выразила желание удалиться в свою летнюю резиденцию, Павловск, где было не так шумно и где она могла пользоваться покоем и уединением. Исполняя это желание, Император спросил Ее Величество, какой караул она желала бы иметь в Павловске?

Императрица отвечала:

— Друг мой, я не выношу вида ни одного из полков, кроме Конной Гвардии.

— Какую же часть этого Полка Вы желали бы иметь при себе?

— Только эскадрон Саблукова, — отвечала Императрица.

Я тотчас был командирован в Павловск и эскадрон мой, по особому повелению Государя, был снабжен новыми чепраками, патронташами и пистолетными кобурами с Андреевской звездою, имеющею, как известно, надпись с девизом «за Веру и Верность». Эта почетная награда, как справедливая дань безукоризненности нашего поведения во время заговора, была дана сначала моему эскадрону, а затем распространена на всю Конную Гвардию. Кавалергардский Полк, принимавший столь деятельное участие в заговоре, был чрезвычайно обижен, что столь видное отличие дано было исключительно нашему полку. Генерал Уваров горько жаловался на это и тогда Государь, в видах примирения, велел дать ту же звезду всем Кирасирам и штабу армии, что осталось и до настоящего времени.

Служба моя в Павловске при Ее Величестве продолжалась до отъезда всего Двора в Москву на коронацию Императора Александра. Каждую ночь я, подобно сторожу, обходил все ближайшие к дворцу сады и цветники, среди которых разбросаны были всевозможные памятники, воздвигнутые в память различных событий супружеской жизни покойного Императора. Здесь, подобно печальной тени, удрученная горем Мария Федоровна, одетая в глубокий траур, бродила по ночам среди мраморных памятников и плакучих ив, проливая слезы в течение долгих, бессонных ночей. Нервы ее были до того напряжены, что малейший шум пугал ее и обращал в бегство. Вот почему моя караульная служба в Павловске сделалась для меня священной обязанностью, которую я исполнял с удовольствием.

Императрица-мать не искала в забвении облегчения своего горя, напротив она как бы находила утешение, выпивая до

дна горькую чашу душевных мук. Самая кровать, на которой Павел испустил последнее дыхание, с одеялами и подушками, окрашенными его кровью, была привезена в Павловск и помещена за ширмами, рядом с опочивальнею Государыни и в течение всей своей жизни она не переставала посещать эту комнату. Недавно мне передавали, что эту кровать, после ее смерти, перевезли в Гатчину и поместили в маленькую комнату, в которой я так часто слышал молитвы Павла. Обе двери этой комнаты, говорят, были заколочены наглухо, равно как в Михайловском Замке, двери, ведущие в кабинет Императора, где произошло убийство.

В заключение скажу, что Император Павел, не смотря на необычайное увлечение его некоторыми женщинами, был всегда нежным и любящим мужем для Марии Федоровны, от которой он имел 8 детей, из которых последними были Николай, родившийся в 1796 г. и Михаил в 1798 г.

Достойно внимания и то обстоятельство, что Б. И. Нелидова, которой Павел так восторженно увлекался, сохранила дружбу и уважение Императрицы Марии Федоровны до последних дней ее жизни. Не есть ли это лучшее доказательство того, что до того времени, когда он попал в сети Гагариной и ее клевретов, он действительно был нравственно чист в своем поведении?

Какой поучительный пример для Государей, указывающий на необходимость всегда остерегаться влияния доверенных царедворцев, единственною заботой которых всегда было и будет потворство их слабостям ради личных целей.

Конец.

Содержание

Саблуков Николай Александрович

Записки генерала Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и кончине этого государя

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Романова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Издайте свою книгу у нас!

Издательство «Директ-Медиа» публикует учебники, монографии, литературу NON-FICTION, аудиокниги, новые издания и те, что с годами не утратили своей актуальности, коллективные научные сборники.

Наше издательство берет свои корни в книгоиздательских традициях и технологиях Германии. Мы – лидеры современного книгоиздательского процесса, охватывающего цифровые образовательные платформы для школ и вузов, издание электронных и печатных книг. Нашу продукцию отличает высокое полиграфическое качество и высокотехнологичный процесс продвижения книги.

Наши авторы – ведущие ученые и преподаватели страны. За 20 лет работы в России нами издано более 10 000 изданий учебной, академической и научно-популярной литературы.

Приобрести наши книги можно в интернет-магазине DIRECTMEDIA.RU и в ЭБС «Университетская библиотека онлайн» (BIBLIOCLUB.RU), в книжных и в интернет-магазинах страны.

Хотите приобрести книгу издательства «Директ-Медиа» или издать свое произведение?

Мы ждем Вас!

Для заметок

Для заметок